Женщина с глазами кошки

Автор:
Алла Полянская

Женщина с глазами кошки

Алла Полянская

Виктории Величко пришлось многое пережить, но к такому она оказалась не готова – их маленький самолет, совершавший рейс из Майами в Ла-Пас, рухнул прямо посреди джунглей! Пассажиры остались живы и невредимы, а вот экипаж погиб. Тори, опытный врач, работавшая во многих «горячих точках», сразу поняла – пилотов отравили. Но кто мог это сделать и на кого из пяти ее спутников был нацелен удар?.. Поняв, что на месте ничего выяснить не удастся, Тори решила выбираться сама – попутчики будут ее только задерживать! Однако ее одиночество продлилось недолго. Очень скоро к ней присоединились сразу двое: журналист Эд и путешественник Луис, которого она встретила в джунглях. Девушка пока не могла разобраться, кто они – друзья или враги, соперники в борьбе за выживание или претенденты на место в ее сердце…

Алла Полянская

Женщина с глазами кошки

1

Знаете, как бывает, когда падает самолет? Впрочем, откуда вам это знать. Те, кто знает, уже не расскажут. А вот я расскажу.

Вы поднимаетесь по трапу в салон, досадуя на спустившуюся петлю колготок, которая портит мелодию вашего совершенства, а симпатичный блондин, который сидит напротив, – весьма неплохой экземпляр, и проклятая стрелка некстати, как таракан в банке с вареньем. Самолет бежит по взлетной полосе, вас вжимает в кресло, и шумит в ушах, а наглая рыжая стюардесса наклоняется к блондину, пихая ему в нос свои сиськи. Нет, дорогая, это моя добыча! Но земля уже далеко внизу, а облака еще вверху, и мне хочется сделать что-нибудь плохое, настолько я ненавижу самолеты. Да только сейчас вынуждена лететь, потому что посуху или по морю добраться туда, куда мне надо, займет полжизни. И я хочу сделать что-нибудь ужасное, чтобы авиакомпания вспоминала меня с дрожью, раз уж мне так плохо.

Самолетик небольшой, всего на шесть мест, и все пассажиры в нем, похоже, такие важные особы, что на хромой козе не подъехать… Кроме меня, конечно. Стюардесса включает телевизор, и на экране появляется холеное лицо известного всей Америке деятеля, которого показывают слишком часто, – Билл Мастерс, сенатор, генерал и борец с терроризмом. Думаю, когда ухлопали бен Ладена, он три дня грыз от злости свою фуражку, потому что это сделал кто-то другой, пока он полировал задницей свое кресло. Мастерс высок, плотного сложения и на вид типичный американец – с квадратной челюстью, коротким воинственным носом и маленькими глазками, глядящими из-под кустистых бровей. И сейчас он, как всегда, разоблачает террористов, заверяя граждан, что уж с ним-то опасность им не грозит… Сукин сын, врет и не краснеет. Но в сенате сидит не первый год и очень прочно. В данный момент его красноватое лицо меня слегка умиротворяет – все как всегда, стабильность – хорошая вещь, когда ты болтаешься в воздухе… Собственно, не о Мастерсе речь идет.

Большая часть цивилизованных граждан знает, как летают самолеты, а я обещала рассказать, как они падают. Хотя у меня в этом деле нет большого опыта, возможно, каждый самолет падает по-своему, но тот, на котором находилась я, рухнул прямо-таки бессовестно. Только я встретилась глазами с блондином, только он улыбнулся мне, немного несмело, что мне особенно понравилось, – терпеть не могу самоуверенных самцов, только моя рука слегка потянула вверх краешек юбки (обычный трюк, а парень-то стоящий)… А где-то далеко внизу колыхалось зеленое море джунглей… Меня, правда, пейзаж тогда не интересовал, и совершенно напрасно. В общем, только началась милая игра, предваряющая приятное знакомство, как в ту самую минуту заглох двигатель. Можете себе представить большее свинство?

Если вы думаете, что стало страшно, то ошибаетесь. Стало очень страшно. В салоне нас шестеро, мы переглядываемся, а невысокая тощая брюнетка – не то китаянка, не то японка, дьявол их разберет, – со знанием дела принимается визжать. Наверное, в каждой катастрофе есть кто-то, кто ее озвучивает, и в нашем небольшом сообществе тоже случилась такая вот Мисс Иерихонская Труба. Хотя в визге нет никакого смысла, этим делу не поможешь. Старик, который сидел рядом с истеричкой, явно подумал так же, потому что невозмутимо отвесил соседке крепкую пощечину. Брюнетка заткнулась, и на душе у меня полегчало. Хорошая подача, дед! Следующей моей мыслью было, что самое время осуществиться мечтам, а я сейчас мечтала стать птицей.

Самолет тряхнуло, и он начал очень быстро снижаться. Бледная, испуганная стюардесса советует нам засунуть свои сумки под кресла. Эти действия вряд ли спасут от основной беды, но мы слушаемся. А что нам остается? Блондин помогает мне запихнуть мой ридикюль под сиденье, потому что руки у меня отчего-то ослабели.

Стюардесса делает над собой усилие и перестает дрожать.

– Все будет хорошо, вот увидите. Пилот сделает все возможное, чтобы посадить самолет.

Пассажиры обреченно молчат. Возможно, если бы нас было больше, нашелся бы кто-то, кого не уняла бы никакая пощечина, а так мы падаем в полном молчании. Надо же, как все по-дурацки! Вот о чем я думала два часа назад – о стрелке на колготках? Почему не видела, как прекрасно небо, если смотреть на него, стоя на земле? Почему не… Я многого не сделала, все откладывала до лучших времен, а никаких лучших времен у меня уже не будет, есть только «сейчас» и «вчера». Причем «вчера» такое далекое, словно и не со мной было, а «сейчас»… Сейчас я сижу в падающем самолете.

– Наш самолет маленький, он спланирует. Если не взорвется горючее, у нас есть шанс… – Блондин пытается взять себя в руки, повторяет снова стюардессы: – Вот увидите, все будет хорошо.

Я молча киваю. Парень просто не знает, о чем говорит. Мы падаем в джунгли и если не погибнем сразу, потом все равно пожалеем об этом. Джунгли убьют нас одного за другим. Ничего уже не будет хорошо.

– Дамы и господа, снимите украшения и часы. – Голос стюардессы снова предательски дрожит. – Пригнитесь, сейчас мы попробуем сесть.

Я снимаю серьги и часы. Это, значит, для того, чтоб потом мы были как живые. Ясное дело, ведь удар о землю всегда бывает такой силы, что украшения приходится выковыривать из тел. Но диким зверям безразлично, лопать нас с ними или без, несъедобное они выплюнут. Или же их организм выведет лишнее естественным путем.

Удар показался мне не таким страшным, как ожидалось, но за этот короткий миг я поняла, что все еще впереди. За окном пронеслись ветки и стволы, послышался ужасающий скрежет… затем взрыв и снова удар. Мое тело разлетелось на куски, но подумать об этом у меня уже не было времени.

Я и не знала, что умею терять сознание. И представления не имею, сколько находилась в отключке – минуту или час. Просто в какой-то момент я открываю глаза и пытаюсь ощутить свое тело. Похоже, нет никаких признаков, которые указывали бы на переломы, внутренние кровотечения или другие непоправимые повреждения, хотя я ощущаю себя отбивной на сковородке. Но руки-ноги целы, голова тоже, все остальное либо успеет прийти в норму, либо нет. Интересно, обитатели джунглей прямо сейчас примутся нас есть или немного погодя?

Я осторожно оглядываю салон. Блондин лежит на полу лицом вниз. Не пристегнулся, что ли? Нет, ремень вырвало из гнезда, слишком сильным оказался удар. Старик откинулся в кресле, из уголка его рта стекает струйка крови. Либо ему конец, либо он прикусил язык. А вот его соседка жива-живехонька, ее тесное платье позволяет мне видеть, что она дышит. Плотный лысоватый тип и пожилая леди в костюме от Гальяно тоже вроде живы. Но раз мы все внутри покореженного салона, значит, местная фауна закусит нами не сразу. Думаю, у зверья случится массовое пищевое отравление и оно передохнет до единого – людей сложно назвать экологически чистым продуктом. Но пока пассажиры относительно целы.

Чего не скажешь о стюардессе. Вот ей, несчастной, уже никто не поможет, это видно с первого взгляда. Падая, она, наверное, обо что-то ударилась головой, вероятно, о хромированный угол буфета. Во всяком случае, ее голова лежит в луже крови, а открытые зеленые глаза пустые и мертвые. Бедная девочка так

пыталась успокоить нас! Какая ужасная несправедливость! Пусть бы лучше китайская истеричка умерла, китайцев и так многовато на свете, а эта милая красавица осталась бы с нами.

Нет, не так. Лучше всего было бы, если бы мы по-прежнему летели к пункту назначения, а не оказались на земле черт знает где в джунглях.

Я поднимаюсь и открываю дверь в кабину пилотов. Двое мужчин в белых рубашках и синих костюмах, один лет сорока, второй моложе. Мы видели их перед полетом, и я узнаю их со спины, потому что оба упали телом на штурвал. Я ищу у них пульс – тот, что старше, мертв, который помладше, еще дышит. Ни на одном нет заметных повреждений. Я отстегиваю парня, вытаскиваю его из кресла, кладу на пол кабины, ощупываю. Кости не сломаны, живот нормальный, но тоны сердца неровные, а мускулы прямо у меня на глазах сводит судорога. Что с ним? Как давно он в таком состоянии? Судороги буквально скручивают тело пилота, его лицо синеет – асфиксия, паралич дыхательных путей. Я ничего не могу для него сделать, у меня нет нужных препаратов и оборудования, чтобы спасти парня. Так что он умирает, а я просто сижу с ним рядом и думаю о том, что уже видела подобные симптомы. Но как такое могло случиться здесь?

Впрочем, это сейчас неважно.

Вернувшись в салон, опускаюсь на пол рядом с блондином. Тот стукнулся головой о пол, на лбу шишка, нос разбит, но жив. И если внутренние органы целы, то и будет жить – до тех пор, пока нас не обнаружат хищники, двуногие или четвероногие. Последние, пожалуй, предпочтительнее, потому что не склонны мучить свою жертву из эстетических соображений.

Старик шевелится и пытается отстегнуть ремень. Руки плохо слушаются его, но он упрямо дергает застежку. Китаянка тоненько скулит, и мне хочется дать ей пинка. Честно признаюсь: я нетолерантна и неполиткорректна, терпеть не могу азиатов и арабов.

– Помогите мне, пожалуйста!

Голосок у нее мерзко-пронзительный, как и положено азиатке. Нет, мне тебя не жаль, не надо строить из себя жертву.

– Сидите спокойно, пока я помогу тем, кому нужна помощь.

– Вы врач?

– Да.

– О, это хорошо!

– Закрой хлебальник.

Девица мне надоела. Бывают же такие никчемные бабенки, прости господи. Всего они боятся, шагу самостоятельно сделать не способны, при этом считают, что весь мир им что-то должен только на том основании, что у них милое личико и стройные ножки, которые красотки готовы раздвигать для всякого, у кого имеется банковский счет со многими нулями. Эта как раз такая.

Блондин зашевелился, и я помогаю ему сесть. Глаза глядят осмысленно, что уже хорошо. Парень сидит на полу и ошалело озирается. Ну, где-то я его понимаю. Все либо мертвы, либо находимся, так сказать, в зале ожидания, и, по идее, сейчас за нами должны явиться какие-нибудь ангелы… Хотя особо рассчитывать не стоит. Да, мы выжили при падении самолета, но это в любом случае временно.

Я помогаю блондину подняться и усаживаю в кресло. Кровь из разбитого носа уже не течет, шишка на лбу ощутимая, но, судя по клинической картине, сотрясения мозга у него нет. Хорошие новости.

– Послушайте, вы должны помочь Фрэнку! – требует китаянка.

Какие пронзительные голоса у азиаток… Ничего я никому не должна, думаю я раздраженно.

– Жакрой рот, Керолайн!

Старик зол. У него прокушен язык, ему наверняка очень больно, не говоря уже о смешной дикции.

– Я думаю, нам нужно как можно шкорее выйти отшюда. – Он заметно сдерживает командные ноты и правильно делает. – Вы уже были в кабине пилотов?

– Нет. Но сейчас собираюсь сходить туда.

Вообще-то я думаю, что летчиков отравили, но не собираюсь сообщать об этом спутникам. Не надо мне тут криков, паники, разборок и призывов, мол, надо что-то делать. А еще есть маленькая вероятность, что отравить пилотов мог кто-то из пассажиров, и незачем тому человеку знать, что я в курсе.

Ладно, пусть народ приходит в себя, а я снова иду в кабину. Второй пилот еще теплый. Интересно, как вышло, что мужчины не умерли одновременно? Они примерно одинакового роста и веса, и яд должен был подействовать с одинаковым эффектом. Возможно, молодой принял его позже. Я не токсиколог, а хирург, но сейчас это неважно, ведь в любом случае ничем не смогла бы им помочь. Единственное, в чем я уверена, – применен был не цианид. Может, парни что-то выпили перед отлетом? Или съели? Но тогда остается вопрос, отчего упал самолет. Ведь отлично помню, что сначала заглох двигатель.

Я подхожу к первому пилоту и поднимаю его голову. Трупное окоченение еще не началось, а причина смерти вызывает сомнения. Вместо лица у мужчины синяк – он ударился лицом о панель управления. Либо летчик умер от удара, либо от яда. Впрочем, одно другому не мешает, но сначала заглох двигатель. А отравить пилотов могли, чтобы они ничего не предприняли, то есть чтобы самолет упал всерьез и надежно. Рухнув на джунгли, машина потеряла крылья, а в них горючее, оно-то и взорвалось. Но уже отдельно от фюзеляжа, именно поэтому мы до сих пор живы.

Сев в кресло второго пилота, я начинаю размышлять, мертвые мне мешают гораздо меньше, чем живые. Итак, двигатель вышел из строя. Почему-то. К тому времени летчики уже боролись с симптомами отравления. Я не верю в такие совпадения. Явно кто-то хотел, чтобы этот самолет упал, причем именно здесь и сейчас – так рассчитали дозу яда. Видимо, один из моих спутников нажил смертельного врага, а в дерьме оказались все мы. Меня ведь ждут именно сегодня! А я сижу здесь. И никакой надежды выбраться – у меня нет снаряжения, чтобы пройти сквозь джунгли, нет оружия. Стюардесса отравить пилотов не могла, она же и сама здесь. Значит, мужчины что-то выпили перед вылетом, скорее всего кофе. Интересно, кто был целью? Не я – точно. А вот за

богачей, находящихся в салоне, я бы не стала так уверенно утверждать…

– С вами все в порядке?

В кабину заглядывает блондин. В свете моих выводов не стоит демонстрировать ему излишнюю стойкость или сообразительность, это может оказаться опасным, так что я сейчас изображу ошеломленную растерянность, запоздалый шок. О, это я умею!

– Они умерли… Пилот умер у меня на руках! Как же так – мы спаслись, а они умерли?

– Нам всем нужно успокоиться.

Собственно, я уже успокоилась, но чтобы никто этого не заметил, сейчас примусь тихо, печально плакать. Голливуд потерял в моем лице звезду мировой величины – если я могу изобразить любую эмоцию. Теперь вот начинаю глотать слезы, изобразив на лице мировую скорбь. Мне и правда жаль погибших, но я точно знаю, что ни жалостью, ни истериками делу не поможешь. Собственно, смерть – это окончательно, тут ничего не исправишь. А еще я уверена: кто-то из моих спутников причастен к этому делу, так что мне совершенно некстати показаться ему или им слишком умной и, значит, опасной. Конечно, я попробую выжить в тропическом лесу и без снаряжения, но мне совершенно не нужна вот прямо сейчас чья-то помощь по отходу в мир иной, в джунглях и без того найдется достаточно желающих убить или сожрать.

– Им уже ничем нельзя помочь. – Блондин садится на корточки, наши глаза оказываются на одном уровне. – Однако мы-то живы, и нужно что-то делать.

– Об этом не беспокойтесь, о нас позаботятся джунгли.

– Что?

– Если в радиусе нескольких миль не найдется более-менее цивилизованного населенного пункта, мы не протянем и трех дней. Нас мало, мы не вооружены, у нас нет запаса пресной воды и продуктов, и мы представления не имеем, где находимся. Разве этих факторов не достаточно? По мне, так более чем.

– Пойдемте в салон. – Парень помогает мне встать, и я ему позволяю. – Нам нужно выработать план дальнейших действий.

– Вы идите, а я приду через минуту. Вытру лицо, не хочу, чтобы меня видели заплаканной.

Он настоящий джентльмен – повернулся и вышел. А я быстро обыскиваю кабину и тела пилотов. Вот как раз то, что нужно, – в сумке одного из летчиков нашелся заряженный пистолет и две запасные обоймы к нему. Прячу оружие за пояс и прикрываю блузкой. Ого, охотничий нож! Тоже неплохая штука. То, что я нашла эти столь необходимые в джунглях вещи первая, – огромное везение, теперь буду чувствовать себя увереннее.

Я выхожу из кабины и переступаю через тело стюардессы. Не повезло девушке – надо же было так неудачно упасть! Хотя, может статься, мы ей еще позавидуем.

В салоне все пришли в себя и тихо переговариваются. Толстяк что-то втолковывает пожилой даме, а та отрицательно мотает головой. Истеричка впала в ступор и смотрит в пространство, раскачиваясь из стороны в сторону. Медитирует? Не поможет. А старик держится отлично. И блондин пришел в чувство окончательно. Надеюсь, это все не он устроил.

– Какие будут предложения?

Функции председателя собрания взял на себя именно старик. Наверное, по привычке – скорее всего, таким тоном он обращается к своим подчиненным или членам какого-нибудь совета директоров. Но здесь он в равном со всеми положении, так что ему придется сбавить обороты. Собственно, какие в данном случае могут быть предложения? Возможно, наше падение уже кто-то заметил и к нам на всех парах мчится помощь. Но лично я в такое счастье не верю. А вот насчет того, как нам всем теперь быть, дело другое. Сама-то я знаю, что собираюсь сделать, но не скажу, это лишнее. Правда, и совсем молчать не намерена. Ладно уж, поделюсь своими соображениями.

– Думаю, нам нужно определить наше местонахождение, а там посмотрим.

Старик уставился на меня, нахмурившись. Отвечаю ему легкой улыбкой. Нет, мистер, не трать на меня порох, я не боюсь…

– Приемлемо, – хмуро улыбается дед. – Но для начала, по-моему, стоит познакомиться. Начну с себя. Фрэнклин Брекстон, глава корпорации «Континентальные пластмассы», а это моя жена Керолайн. Кто дальше?

– Меня зовут Мерион Хиксли. Из уистлокских Хиксли. – Пожилая леди презрительно кривит губы, что не идет на пользу ее внешности, затем кивает на толстяка: – А это мой сын Джейкоб.

– Хиксли, Хиксли… – задумывается старик. – Не те ли, у которых сеть «Бриттани»?

– Да, супермаркеты «Бриттани» принадлежат нашей семье, – гордо выпрямляется в кресле лысоватый сыночек. – Их ровно тридцать и…

– Заткнись, Джейкоб! – Любящая мать, очевидно, держит дитятко в ежовых рукавицах. – Нечего болтать, это не твоя заслуга. Если бы все зависело от тебя, то…

– Обсудите семейные дела в другой раз, – злобно сверкнул глазами Брекстон. – А вы, сэр?

– Эдвард Краузе, журналист из «Таймс». Можно просто Эд, – пожал плечами блондин. – Не думал я, что командировка закончится таким образом.

– Никто не думал. Да я бы и близко не подошла к этой консервной банке, если бы могла предположить такое! – Леди Мерион морщится, слушая меня, а я люблю подразнить высокомерных снобов. – Меня зовут Тори Величко, я врач.

– Странная фамилия. – Миссис Хиксли подозрительно щурится. – Иностранка?

– Собственно, в данный момент мы здесь все – иностранцы, – с некоторым вызовом говорю я. Старую дуру пора поставить на место. – Или вы что-то определенное имели в виду?

– Да как вы смеете так отвечать!

– А почему бы и нет?

– Прекратите. – Старик Брекстон поднимается. – Миссис Хиксли, нет смысла затевать ссору, мы все в одинаково паршивом положении. Надо определиться с порядком дальнейших действий, а для этого, как верно заметила мисс Величко, должны знать, где находимся. Кто-то разбирается в картах и приборах?

Я, конечно, разбираюсь, но объявлять о своих умениях пока не стану, ведь кто-то из моих спутников может оказаться не тем, за кого себя выдает. Хорошо еще, что у меня теперь есть оружие, в случае чего я смогу позаботиться о себе, а пока сделаю вид, что испугана. Я уже допустила ошибку, когда принялась оказывать им помощь, но это дело моего врачебного долга. Зато теперь, когда я знаю, что больных и раненых среди них нет, мой первейший долг – уцелеть самой.

– Я попробую. – Эдвард неуверенно смотрит в сторону кабины. – Но там тела пилотов.

– Да, ужасно… Что же с ними делать? – Мерион ломает сухие пальцы. – Может, вынесем их наружу?

– Пока не определились с местонахождением, открывать люк не стоит. – Брекстон беспокойно смотрит в иллюминатор. – Судя по пейзажу за стеклом, мы в джунглях, значит, трупы тут же привлекут внимание хищников, и мы потом не сможем покинуть самолет. Я думаю, тела надо перенести в багажный отсек, там должно быть достаточно места.

– Тогда давайте так и сделаем. – Эдвард поднимается. – Джейк, помоги мне.

– Нет! Мой сын и пальцем не дотронется…

– Ты сегодня заткнешься или нет? – уже лопнуло у меня терпение. – Не хочешь, чтобы твой малыш измазал пальчики, – вставай и сама таскай трупы.

Я знаю такую породу людей. Они привыкли, что каштаны из огня для них всю жизнь таскают служащие, которых они и за людей-то не считают. Ишь, как удобно устроилась – все перед ней на задних лапках должны скакать. Но – не я. Когда-то давно я была знакома с точно такой же ведьмой, и она не раз

пожалела, что свела со мной знакомство.

Старуха щелкнула челюстью и возмущенно задохнулась. Наверное, никто никогда не разговаривал с ней в таком тоне. А в глазах толстяка промелькнуло торжество. Вот бедолага, мамаша совсем его кастрировала. Что ж, парень, пора становиться мужиком, сейчас как раз подходящий момент.

– Джейк, не смей!

– Мама, но мистер Брекстон пожилой человек, а…

– Джейкоб!

– Мама…

– Немедленно сядь на место, я сказала!

Толстяк возвращается в кресло, пряча глаза, в которых стыд и ненависть. Когда-нибудь он не выдержит и пошлет мамашу по известному адресу, а то и убьет. Правда, это дальняя перспектива, которая в свете последних событий может и приблизиться.

– Миссис Хиксли, вы ведете себя отвратительно. – Брекстон сжимает губы. – Мы сможем спастись, только если будем действовать сообща. Никто не придет нас спасать, мы должны сами о себе позаботиться.

– Я с места не сдвинусь до прибытия спасателей.

– Желаю удачи. Будете ждать их до конца своих дней, а наступит тот конец, может быть, очень скоро. За полчаса вы успели перессориться со всеми присутствующими.

– Мне до вас всех нет никакого дела. Когда я попаду домой, сразу позвоню сенатору Трессону, и тогда…

Мы с Эдом оставляем их ссориться и идем в кабину. Трупы пилотов ее не украшают, а потому мы выносим тела летчиков в багажный отсек. Так же

укладываем мертвую стюардессу. Я забираю свой чемодан и ставлю у двери. Затем достаю из шкафчика полотенца и прикрываю лица погибших. Это все, что я могу для вас сделать, ребята. Мне жаль. Ну а багаж остальных пусть стоит здесь – я им не носильщик, захотят – зайдут и возьмут. Пора бы заняться делами, раз уж кабина теперь пуста.

– Подожди, я тоже возьму свои вещи. – Эд осторожно переступает через тела и снимает с полки большую сумку. – Но если придется уходить, чемоданы нужно будет оставить.

– Носки и белье, туалетные принадлежности и медикаменты необходимо взять, если не хочешь остаться без ног, например. В джунглях любая царапина чревата такими последствиями, что подумать страшно.

Журналист кивает, и мы идем в опустевшую кабину. Самолет уткнулся носом в какие-то кусты, по стеклу ползают насекомые, но само стекло уцелело, что радует меня несказанно.

– Посмотрим, что у нас есть. – Эд достает карту. – От удара бортовой компьютер, конечно, накрылся, и все же попробуй его проверить. А я тем временем посмотрю, что смогу понять на карте.

Я усаживаюсь в кресло пилота и нажимаю все кнопки подряд, пытаясь оживить компьютер. Пустая трата времени, удар был очень сильным. Хотя… Что-то здесь не так, но что? Да многое не так! Ведь сначала заглох двигатель…

Экран вдруг замигал, на голубом фоне пульсирует надпись: «Уровень горючего – 0». Стоп, как это? А, теперь понятно, отчего заглох двигатель – без горючего он и не мог бы работать, такие правила игры.

– Что там? – Эдвард заглядывает мне через плечо. – Не может быть!

– Может. Потому-то мы и живы. Если бы взорвалось горючее, нас бы ничто не спасло, а так баки были пусты.

– А что же взорвалось?

– Пары, оставшиеся в баках. Меня другое интересует: как могло случиться, что закончилось горючее? Его либо сбросили в полете, либо не долили изначально. Тогда, возможно, дело в неисправных датчиках уровня горючего…

– За всем следит бортовой компьютер.

– Вероятно, сломался, и никто не заметил. Либо же с ним кто-то поупражнялся загодя, и он показал достаточный уровень горючего, а на самом деле баки не долили.

– Значит…

– Значит, кого-то из пассажиров хотели убрать. Остальные попали в ловушку за компанию.

Я прикусила язык, буквально проглотив продолжение: а чтобы уж совсем наверняка убрать, отравили пилотов, чтобы те ничего не смогли сделать. Но говорить об этом журналисту плохая идея, хватит и того, что я знаю. Между прочим, яд был медленно действующий, дозировку рассчитали с точностью до минуты. Дали его пилотам в аэропорту, потому что во время полета они ничего не пили – нет грязных чашек ни в кабине, ни в отсеке стюардессы. Да я бы и заметила, если б девушка заходила в кабину, с моего места это было отлично видно.

Эдвард о чем-то размышляет, глядя на экран.

– А может, пилот сам сбросил горючее, зная, что таким образом дает нам шанс?

– Может, и сам. Но давай договоримся: остальным мы это все не расскажем, ладно?

– Ты права… А ты умная женщина, Тори Величко.

Я и без тебя это знаю, парень. Только лишь надеюсь, что нынешнее безобразие – не твоих рук дело.

2

В салоне висит напряженное молчание. Старик Брекстон раздраженно сопит, его азиатская орхидея по-прежнему медитирует, а Хиксли сидят, отвернувшись друг от друга. Когда я вижу мамаш, подобных Мерион, сразу начинаю радоваться тому, что у меня нет матери. Думаю, Джейк бы мне позавидовал, несмотря на кучу денег у своего семейства и знакомство с сенатором Трессоном.

– Вам удалось что-то узнать? – спрашивает Фрэнк Брекстон. – Какие новости?

– Компьютер умер насильственной смертью. – Эд не зря журналист, врет как по писаному. – Но если верить приборам и нашим исчислениям, то мы где-то в Колумбии или в Перу. А может, в Эквадоре, выбирайте, что больше нравится. В общем, где-то в этом районе. Вот и все.

– Не может быть! – Мерион Хиксли даже подпрыгнула на месте. – Мы вылетели из Майами и по времени должны были быть вблизи Ла-Паса. Мы что, кружили в воздухе? Как такое могло случиться?

– Не знаю. Я сказал все, что сумел понять. Очень надеюсь, что мы все-таки в Перу.

– Почему же?

– Потому что в Перу сейчас не ведутся боевые действия.

– Господи… – Мерион испуганно дернулась. – Какие еще боевые действия? Что вы имеете в виду?

– Только то, что в банановых республиках живут слишком горячие парни, которые никогда не бывают довольны правительством. – Эд ухмыляется. – Как только очередной диктатор пристраивает свою задницу в президентское кресло, тут же появляется новый претендент и начинается вооруженный конфликт.

– Дикари!

– Может быть, вы и правы, но точно известно только то, что здесь ни у кого нет стремления к миру во всем мире. Здешние мачо любят войну, она их развлекает и дает возможность самоутвердиться.

– Какие глупости вы говорите! – Брекстон злобно хмурится. – Вы ничего не понимаете!

– Лично я понимаю это именно так, а я уже несколько лет пишу репортажи из разных горячих точек.

Пока идет перепалка, вынимаю свою сумку из-под сиденья. Так, что у нас здесь? Аптечка, без которой я из дома никогда не выхожу, в ней антисептики, противозмеиная сыворотка, антибиотики и кое-какие другие медикаменты. Хорошо. Даже очень хорошо. Далее – мой походный набор инструментов, подаренный когда-то тетей Розой, он всегда со мной в поездках. Что мне еще может понадобиться? В чемодане, который теперь стоит в кабине, есть рубашки, носки, джинсы, белье, высокие ботинки. Неплохо, Тори. К тому же ты разжилась оружием и боеприпасами, что повышает твои шансы на выживание.

Думаю, если я сейчас встану, соберу рюкзак и уйду, то в конечном итоге смогу добраться до какого-нибудь более-менее цивилизованного клочка земного шара. А вот в компании с моими новыми знакомыми это вряд ли удастся – слишком они шумные. Но это еще полбеды, хуже другое – они изнеженные, высокомерные и всерьез ожидают, что им кто-то поможет. Люди пока не поняли, что им никто ничего не должен, весь их жизненный опыт ограничивается ближним кругом таких же богатых снобов и дальним кругом обслуживающего персонала, без которого они не способны даже задницу себе подтереть. Ну что ж, теперь жизнь им предстанет с другой стороны, и новый опыт пойдет им на пользу. А поскольку никто из них не болен и не ранен, я им абсолютно ничего не должна.

– Все это пустые разговоры! – Брекстон повышает голос. – Нам нужно что-то делать, прямо сейчас.

Я невольно качаю головой: так оторви задницу от кресла и сделай что-нибудь, старый дурак!

– Связи нет и не будет, сигнал мобильного глушат горы. – Однако Эд умеет утешить… – А когда мы доберемся до какого-нибудь более-менее открытого

места, к тому времени батарейки наших телефонов уже сядут, и вряд ли найдется, где их подзарядить. Если мы вообще куда-нибудь доберемся.

– Нам нужно немедленно выйти отсюда! Кровь на полу уже воняет, а что станет вскоре с трупами, страшно подумать! – Голос Мерион срывается на визг. – Нам нужно немедленно выбираться из самолета! Мы должны позвонить, и нас спасут!

Давай, дорогая, выбирайся. А я посмотрю, как далеко ты убежишь в своих туфлях на шпильке и в эксклюзивном костюме. Не завидую тому ягуару, который закусит тобой, – бедняга наживет желудочную колику, лишится нескольких зубов, обгрызая твои сухие кости. Прямо жалко зверя, ведь ягуар – прекраснейший среди кошачьих, а кошки – лучшие существа на всей земле.

– Вы никуда отсюда не уйдете, миссис Хиксли. – Брекстон зол, лицо его покраснело, видимо, у него болит прокушенный язык. – Пока мы сидим здесь, мы защищены от животных, змей и насекомых. Тем более все равно неизвестно, в какую сторону идти.

– Мне не нужны ничьи советы! – Нижняя челюсть Мерион выдвинулась вперед, как ящик комода. – Я буду делать то, что считаю нужным. Идем, Джейкоб! Открой люк!

Старуха вскочила с места и вцепилась сухими пальцами в ручку люка. Джейк неуверенно переминается с ноги на ногу – ему совсем не хочется куда-то идти в компании с мамашей.

– Нет, – в упор смотрит на миссис Хиксли Эд, – вы не сделаете этого. Вы здесь не одни, если кто-то выйдет, то может привлечь чье-то нежелательное внимание, тогда проблемы будут у всех.

– Прочь с дороги! Джейк, чего ты стоишь столбом? Немедленно открой этот проклятый люк, мы уходим!

Джейк неуверенно делает шаг – подчиняться матери у него уже стало рефлексом. Тряпка, а не мужик. Думаю, толстяк до сих пор не женат.

– Сядьте на свои места! – Брекстон тоже поднимается. – Никто никуда не идет. Не хватало еще, чтобы на ваши крики явились бандиты или дикие звери! Не забывайте, что мы даже не знаем, где находимся. Если на территории Колумбии, то нам не позавидуешь. Тут сейчас полно бунтовщиков, да и местные мафиозные кланы постоянно воюют между собой. И все они не любят чужаков на своей земле.

– Вы не посмеете…

Бабка раздражает меня до жути. Из-за нее мне будет сложнее выскользнуть незамеченной. Самолет-то упал совсем не случайно, причиной его падения был кто-то из моих спутников, и этот кто-то должен догадываться, из-за чего мы все сидим здесь. Догадывается, дрянь такая, а строит из себя невинную жертву!

Хотя теоретически причиной могу быть и я. Например, если меня решил убить мой бывший муж Кен. Мы развелись давно и совсем не мирно – он не получил от меня ни цента, потому что тетя Роза наняла прыткого частного детектива, который сфотографировал несколько пикантных моментов из его похождений, и не менее ушлого адвоката, сумевшего доказать в суде, что я несчастная жертва, а мой супруг – исчадие ада. Кен получил кукиш, а денег ему хотелось. Однако нет, это не его работа. Чтобы провернуть подобное, нужны мозги, у Кена же с ними всегда была беда, за него думали папа с мамой. Да и стоит такое недешево, а папаша столько денег сыночку точно не дал бы. Потому Кен и хотел отгрызть часть моего капитала – чтобы больше не просить денег у отца. Заработать-то он их был не в состоянии.

А может, всему виной старик Брекстон? Уродился вот такой – бесцеремонный, злобный и раздражительный, кому-то не тому наступил на мозоль. Либо азиатка решила избавиться от пожилого мужа… Нет, она же и сама здесь. А, собственно, что с того? Как вариант: ее китайская родня, чтобы смыть позор от ее замужества с иноверцем, позаботилась и о ней, и о Брекстоне. Как вариант.

Или, допустим, Джейк Хиксли решил покончить с собой таким экзотическим способом – главное увидеть, как вместе с ним гибнет его мучительница. Думаю, толстяк вполне способен на бунт. Или же сама Мерион, ввиду природной злобности, решила уйти на тот свет, громко хлопнув дверью и прихватив с собой всех, до кого дотянется. Либо же, кроме Джейка, у нее есть другие нетерпеливые наследники. Ведь супермаркеты «Бриттани» – лакомый кусочек, как ни крути.

А может статься, красавчик Эд насолил местной мафии – версия не хуже остальных. Сам говорил же, что несколько лет трется здесь, вынюхивая местные тайны. Так неужели все этому рады?

Или же в самолете был сломан компьютер и прибор, фиксирующий уровень горючего. Но остается открытым вопрос, кто отравил пилотов. А также возникают другие сомнения. Например, почему продолжительность полета не совпадает с местом, в котором мы должны были оказаться за это время? И почему второй пилот умер позже первого? Одним словом, большая куча вопросов. Но ответы на них я искать не стану. Я достану свой чемодан, переоденусь, соберу рюкзак – и посмотрю, что делать дальше. Может, нужно было удирать отсюда еще полчаса назад? Только мало радости оказаться посреди джунглей в короткой юбке и рваных колготках.

– Вы куда, мисс Величко? – Брекстон подозрительно смотрит на меня.

– Переоденусь, пока есть время.

– Да, это хорошая мысль.

– Спасибо, сэр. Я могу идти?

– О, конечно! – не уловил дед мой сарказм, бывший размером с Юпитер.

Я с тобой, старый дурак, потом разберусь при случае, а пока не вижу смысла ссориться. Как и с кем бы то ни было вообще. Я буду незаметной, как моль на норковой шубе, и только понаблюдаю за вами, чтобы решить для себя, кто есть кто. А вы грызитесь, грызитесь… В экстремальных ситуациях все проходят через данную стадию. Тем временем я посмотрю и пойму, который из моих спутников опасен. Кстати, как правило, это совсем не тот, кто громче всех кричит и качает права.

Затворив за собой дверь пилотской кабины, я открываю чемодан. Хорошо, что мы вытащили отсюда трупы, теперь хоть есть место, где я могу заняться своими делами. Как уже говорила, я не боюсь трупов, но не люблю быть в их обществе. Тем более в такой интимный момент, как сейчас, их присутствие было бы лишним. Да и места они занимали много.

Так, туфли прочь. И вообще, тот, кто выдумал высокие каблуки, явно горит в аду. Красивый летний костюм тоже придется оставить. В нем я была весьма приглядна, но для путешествия по джунглям он не годится совершенно. Джинсы и майка, камуфляжная куртка – то, что нужно. На ноги высокие кожаные ботинки на толстой подошве. Не дай вам бог пораниться, будучи в тропическом лесу, или натереть ногу и не обработать рану! Паразиты, пыльца растений, бактерии, стремительно размножающиеся во влажной теплой среде, очень скоро уложат вас на землю и заставят ожидать приближения смерти. А она придет скоро, потому что запах открытой раны и гниющей плоти привлечет насекомых, птиц, хищников, и хорошо, если вы на их пиру будете присутствовать без сознания, но я бы предположила худший вариант.

Жаль, что придется оставить здесь мои платья. Но одно, от Версаче, все-таки возьму – оно небольшое и легкое. Просто не могу с ним расстаться! И еще туфли, расшитые бисером. Выйду же я когда-нибудь отсюда из дебрей к людям? В обществе принято выглядеть прилично.

Нож за голенище ботинка, пистолет сзади за пояс, обоймы в карманы. Ничего лишнего, пешему тащить тяжелую кладь – мучение. А вот белье, носки и косметику возьму почти в полном составе. Как и несколько маек, штанов и повязку для волос. Сумка моя, если ее вывернуть, превращается в удобный рюкзак. В него поместятся контейнер с лекарствами, инструменты в герметичном мини-боксе, шмотки, гигиенические средства, несколько стерильных одноразовых простыней и одна обычная – на всякий случай. В многочисленных внешних кармашках рюкзака есть рыболовные принадлежности, моток крепкой бечевки, рулон широкого скотча, кусачки, моток изоленты, фляга с бренди, зажигалки и спички. Нужно еще посмотреть, как здесь, в самолете, с продуктами и водой.

Что ж, думаю, я смогу о себе позаботиться. Под сиденьем пилота должен быть люк, и если его не заклинило, пространства между днищем самолета и грунтом достаточно, можно вообще не возвращаться в салон – вылезу наружу и поминай как звали.

А эти здесь… Пусть сидят, решают. Пусть проголосуют, объявят перерыв, подадут друг на друга несколько исков, поговорят о своих правах, потом выберут Брекстона президентом. Все это будет цивилизованно, как и положено у настоящих американцев. А потом трупы начнут вонять, и им придется что-то с

ними делать. Только делать будет некому, потому что Брекстон стар, Джейку мамаша не позволяет даже в сортир сходить без ее санкции, азиатку не принимаем в расчет, она в нирване, а Мерион считает ниже своего достоинства сделать что-то, потому что знакома с самим сенатором Трессоном. А вот Эд… Тот пусть заботится о себе сам, а мне пора линять отсюда. Тут слишком много американского образа жизни, а я, иностранка, от него икаю.

– Тори, можно войти?

Явился Эд, легок на помине. Черт подери, не вовремя его принесло – я только начала осматривать кабину и искать люк. Ладно, время терпит.

– Ага, заходи.

Журналист тщательно закрывает за собой дверь. Он такой красавчик! Ну, если, конечно, вам нравятся высокие загорелые блондины со светлыми глазами. Мне однозначно такие типы нравятся. Волосы он точно не красит – вон на щеках щетина пробивается, и тоже светлая. У него массивные плечи, хорошо накачанные торс и руки. А ведь не похож парень на журналиста… Хотя мне нет до этого никакого дела. Можно было бы с ним переспать – из любопытства или еще почему-то, но не более того.

– А ты хорошо экипирована! Приходилось бывать в джунглях?

– В Африке. Тут, наверное, то же самое.

– Не совсем, но похоже.

Что ему надо от меня? А ведь явно пришел пошептаться. И – он может быть опасен.

– Мы решили, что нужно остаться здесь на ночь, потому что если ночь застанет нас в джунглях, мы не выживем. А завтра с утра нужно будет идти.

Красивый ты парень. И приятный. Но с чего ты, Эд, решил, что мне есть дело до ваших общих планов? Вечер наступит через семь часов – вернее, ночь. За это время я смогу преодолеть приличный кусок пути. А вы решили остаться, чтобы

оттянуть момент, когда хочешь не хочешь, а придется что-то для себя сделать. Мне такой план не подходит.

– Разумно. Но пока солнце не зашло, стоило бы все-таки выйти и осмотреться, а тогда уж планировать завтрашний день.

– Может, ты и права. Нужно предложить остальным.

– Я могу и сама это сделать – пойти и посмотреть. У меня есть опыт выживания в джунглях.

Мое предложение обдуманно – тогда не надо искать люк в кабине, протискиваться сквозь него, рискуя застрять или приземлиться на какую-нибудь ядовитую гадину.

– Нет, пойдем вместе.

– Как хочешь.

Не о чем спорить. Эд не дурак и тоже понял, что с богатеями на буксире далеко не утопать. Что ж, пусть отправляется со мной, а по ходу дела я разберусь, что он за птица.

Беру свой рюкзак и выхожу в салон. Там уже тяжело дышать – кондиционеры-то не работают. Брекстон что-то втолковывает своей девке, Хиксли сидят вспотевшие и надутые. Отлично, ребята, вот так и оставайтесь, скоро вас найдут.

– Мы выйдем и осмотримся, что и как. Через полчаса вернемся. – Эд роется в своей сумке. – К тому же нужно что-то делать с трупами. Ночевать с ними нельзя, через пару часов запах разложения начнет отравлять воздух.

– Мы же договорились, пойдем завтра! – злобно сверкает глазами Брекстон.

– Нет смысла терять полдня. Осмотримся слегка, чтобы знать, в какую сторону завтра идти. Да и с трупами пора решить вопрос. Мы с Тори выйдем и поглядим. Ведь никто из вас не хочет, насколько я понимаю?

Тем временем я потрошу шкафчики стюардессы. Так, неплохо: несколько банок консервов, салфетки, зажигалки, в холодильнике вода и соки, сэндвичи, печенье и шоколад. Кладу в свой рюкзак всего понемногу, потом загружаю сумку Эда.

– Зачем вы это делаете?! – заметила мои манипуляции желтолицая Керолайн.

– Я ни за что не выйду в джунгли без полной экипировки, миссис Брекстон. Это все равно что выйти в открытый космос без скафандра.

– Но вы идете совсем ненадолго!

Хм, я бы на твоем месте не стала всерьез на это рассчитывать, моя желтая роза… Я не вернусь сюда хотя бы потому, что больше не хочу тебя видеть!

– Тори права. – Эд просовывает руки в ручки сумки, надевая ее на спину на манер рюкзака. – Джунгли не любят беспечных.

Люк заклинило, но Эд толкает его плечом, и я вижу знакомый зеленоватый сумрак, обступивший самолет.

– Идем, Тори.

– Эй, стойте! А где гарантия, что вы вернетесь? – Джейк вдруг ожил и зашевелил извилинами. – Где гарантия, что вы не бросите нас здесь?

– Никаких гарантий, Джейк. Ты уже большой мальчик, в случае чего позаботишься о себе сам.

– Но…

Я уже больше не слышу его. Я прыгаю на мягкую подстилку из сухих листьев и еще какой-то гадости. Ишь, тюфяк, гарантий ему захотелось! Насекомое… Я никому из вас ничего не должна, мы все в одинаковом положении. И тащить кого-то из вас на своем горбу я не стану хотя бы потому, что ни один из вас не сделал бы того же ради меня.

Эд подает мне руку, но я поднимаюсь самостоятельно. Рюкзак оттягивает плечи, но это мелочи – чтобы встать и идти, мне не нужна ничья чертова помощь, я способна сама о себе позаботиться.

– Что теперь? – сделал вид журналист, будто не заметил моей невежливости. – Куда пойдем?

– Куда угодно, пока не сориентируемся.

– Что ж, попробуем…

Мы отходим от самолета и вступаем в зеленоватые влажные сумерки. Я оглядываюсь назад: мы очень удачно приземлились, – судя по всему, самолет рухнул на брюхо не сразу, а сломав несколько гибких пальм. Они-то и послужили амортизаторами, с которых искалеченная машина скользнула на небольшую полянку и уткнулась мордой в густые кусты.

В джунглях всегда темно – верхушки деревьев сплетаются так плотно, что практически не пропускают солнечный свет. Подлеска почти и нет, папоротники и лишайники заполонили все вокруг, и я думаю о змеях и прочей гадости, притаившейся прямо под ногами.

Мало света – и воздуха тоже мало. Я сразу начинаю задыхаться. Возможно, оттого, что в самолете было душно и я надеялась, что снаружи будет не так. Но ведь точно знала, что ждет меня в тропическом лесу: спертый, теплый воздух, влажный и тягучий. Майка моментально намокла от пота, и пот стекает из-под волос струйками, а я вряд ли найду где помыться – в ближайшее время. Дикие нехлорированные водоемы не годятся для купания, в них кишат разные паразиты – от крокодилов до всяких там глистов и бактерий, вызывающих страшные болезни. Не хочу об этом думать!

– Может, я понесу твой рюкзак?

– Нет, спасибо. Все в порядке.

Ишь, какой быстрый – отдай ему рюкзак с запасами продуктов, лекарств и питьевой воды! Кто знает, что у тебя в башке, парень? С некоторых пор я не

слишком доверяю людям – лет этак с трех.

– Но тебе тяжело, а я сильнее, мне…

– Я в полном порядке, Эд. Мне не нужна нянька.

– Как скажешь. Просто хотел помочь.

Ага, помощничек выискался… Видала я таких во всех видах! Ладно, проехали.

А вот лианы, свисающие повсюду, как серпантин с новогодней елки, меня раздражают. На них таится всякая ядовитая пакость – возьмет да и укусит, не спросив, как звать, и тогда все, конец истории.

– Ты ничего не замечаешь?

– А что?

Нет, я ничего не замечаю, дорогой, потому что и замечать нечего.

– Как-то тут… то тихо, то всякие звуки…

– И что?

– Ничего. Просто как-то странно.

– Ничего странного. Здесь своя жизнь. Ты прислушайся и поймешь.

В джунглях никогда не бывает тихо. Где-то визжат обезьяны, жужжат насекомые, щебечут птицы, и все это сливается в общий шумовой фон, который перестаешь замечать, как не замечаешь гула машин в большом городе. Падение самолета распугало птиц и обезьян, но сейчас все возвращается на круги своя.

– Слышишь крики попугаев? Их здесь легион. А вот большие коты не слышны, и это опасно. Правда, охотятся они ближе к вечеру, а потому нам нужно производить как можно меньше шума и до ночи успеть уйти подальше. К тому

же надо найти место для ночлега, и это будет посложнее, чем…

– Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду, что нам следует как можно скорее делать отсюда ноги, пока нас не нашли местные активисты пацифистского движения.

Журналист ошеломленно смотрит на меня, словно впервые видит. Ну, и чего уставился? А я знаю. Я ошиблась, он, оказывается, считал, что я намерена вернуться в самолет. Неужели выгляжу такой дурой? Хотя я старалась, конечно.

– Значит, ты и не собиралась возвращаться?!

– Конечно, нет. Зачем?

– Но там эти люди…

– Все они совершеннолетние, никто из них не инвалид, не болен и не ранен. Там остался запас продуктов и воды – честно взяла только нашу часть. Если я способна позаботиться о себе, то они способны тоже – теоретически. Практически же им придется поднять задницы, чтобы сделать хоть что-нибудь, и я не считаю, что им это не под силу. Никому из них я ничего не должна.

– Но так нельзя! Ведь мы решили, что…

– Это вы решили. Я не принимала участия в дебатах, если ты помнишь. Совершенно не хочу тащить их сквозь джунгли. Вдвоем мы пройдем. По крайней мере, шанс есть, а с ними – нет. Ты же видел, что они за люди. Мерион поднимет такой визг на пару с Керолайн, что нас не услышит только глухой, а процент глухих в этих местах, я думаю, весьма невелик.

Эд смотрит на меня, как ребенок, которого впервые ударила родная мать. Боже ж мой, мир просто перегружен благородными рыцарями именно тогда, когда в них нет ни малейшей надобности! А вот когда нужен такой тип, то его днем с огнем не найдешь. Именно сейчас мне бы очень сгодился прожженный негодяй, но, извольте видеть, рядом – сам сэр Ланселот, собственной персоной.

– Так нельзя, ведь они там ждут, могут погибнуть…

– Почему? Мы же не собираемся гибнуть?

– Да, но они…

– Я им ничем не обязана. И не намерена помогать им, потому что они все могут сделать для себя сами – если захотят.

– Мы должны вернуться.

– Так возвращайся, черт тебя подери! А я пойду своей дорогой.

– Ты погибнешь одна.

– Ни секунды не сомневаюсь, что я справлюсь. Ну, ты как?

– Они ждут нас, я вернусь.

– Скатертью дорога.

Развернувшись, я ухожу, закипая от злости. Тысяча чертей в печенки всем цивилизованным людям! Это же надо – ходячая совесть! А казался вполне разумным. Что ж, я не пропаду. По крайней мере, попробую не пропасть. Конечно, было бы лучше, чтобы Эд был рядом, с ним я чувствовала себя спокойнее, но это уже голая психология. Научно доказано, например, что когда тонет корабль, те, кто не погиб сразу, гибнут достаточно быстро. Причем не от голода, жажды, жары, морских обитателей, а от страха. Страх парализует волю, и человек уже не способен о себе позаботиться.

Я боюсь многих вещей: пауков и змей, рака легких и львов, крыс, кариеса, беременности, паразитов, но среди моих страхов отсутствует один – я совершенно не боюсь одиночества. А потому просто иду вперед, делая себе зарубки в памяти – чтобы не заблудиться. Интересно, где я сейчас?

Джунгли никогда не молчат. Вот резкий звук – обезьяны что-то не поделили. А вон там что-то напугало стаю птиц, и они ломанулись в небо, сметая на своем

пути остатки влажного воздуха. В неподвижном пространстве слышно, как жужжат насекомые, и я поднимаю воротник, чтобы никакая сволочь не пробралась внутрь.

Мой путь вверх. Тут такой ландшафт, ничего не поделаешь. Горы недалеко, и на вид все не так, как в Африке. Собственно, джунгли здесь тоже другие, а лучше всего то, что нет львов и кобр. Нужно успеть подняться как можно выше, потому что до темноты необходимо обзавестись местом для ночлега. Главное в джунглях – не пропасть ночью, днем-то здесь еще как-то можно выжить, хотя, безусловно, тоже неприятно, антисанитарно и довольно страшно. А вот ночью будет намного хуже.

Я знаю, как это бывает. Ночь падает тебе на голову, как кирпич с крыши, и начинает казаться, что глаза больше не видят, потому что тьма в тропиках кромешная. Ослепнув, человек превращается в одно большое ухо, а послушать тут есть что. На охоту выходят хищники – осторожные шаги, сопение, рев, шорох змеиных тел и крыльев летучих мышей… Собственно, все это меня ожидает, но еще не сейчас, слава богу. У меня в запасе часов семь до темноты, и я собираюсь провести их с пользой для себя.

Осторожно раздвигаю лианы и какие-то растения, похожие на паутину. Впереди только зеленоватый сумрак, но я не боюсь. Мне приходилось и тяжелее. Здесь, по крайней мере, нет болота, значит, есть надежда найти чистую воду. Думаю, все-таки мы упали на территории Перу, и мне должны встретиться горные ручьи и озера. Конечно, я могу ошибаться, но…

Срезаю ножом стебли, мешающие идти. Очень бы сгодился мексиканский нож-мачете, но где его взять? Приходится пользоваться тем, что есть, хоть и жаль тупить хороший охотничий нож. Пить хочется, но пока нельзя – воды маловато, кто знает, когда я найду пригодную для питья воду, чтобы пополнить запас. А еще мне кажется, что неба уже нет, оно исчезло, и сразу от этой мысли делается душно. Но так всегда бывает в джунглях, это просто нужно преодолеть. Я всегда была одна. Ну, почти всегда. Кстати, Нью-Йорк – тоже джунгли, и что? Там я выжила, выживу и здесь, никуда не денусь.

Пора остановиться отдохнуть – иду уже полчаса. Столько же прошли мы с Эдом. Черт подери, как все неудачно получилось! Вдвоем, конечно, было бы лучше. Хотя, с другой стороны, нельзя точно знать. Может, он мешал бы мне. Или оказался не тем, за кого себя выдавал, или… Но что сейчас об этом толковать?

Журналист вернулся к самолету, его социальный инстинкт и навязанное ему чувство долга оказались сильнее инстинкта самосохранения – ладно, его дело. Я пыталась воззвать к здравому рассудку парня, но, очевидно, не к чему было взывать. Как и у большинства мужчин, полагаю.

Я знала многих мужчин – моя жизнь состоит из командировок, и я многое повидала, многому успела научиться. Нынешнее приключение ничем не хуже остальных, по крайней мере, до сего момента. Вот только не дает мне покоя мысль: кому же все это могло понадобиться? Думаю, когда заглох двигатель, пилоты были уже неработоспособны, но прожили достаточно, чтобы сделать все для спасения самолета. Возможно, они и правда сами сбросили оставшееся горючее, что нас в итоге и спасло. И если бы не яд, они бы оба выжили. Что-то тревожит меня… Что-то я видела, но не обратила внимания… Вспоминай, Тори, не ленись! Заглох двигатель, удар, боль, тьма… Потом – свет, льющийся сквозь иллюминаторы, спина Эда в синей рубашке, потемневшей от пота, тело стюардессы на полу, в дверях салона.

Вот! Ох, и ничего себе… У нее был проломлен череп, но там не было ничего, обо что девушка могла бы удариться – ведь перед самым крушением она села на пол, я отлично это помню. А голова у нее проломлена, словно ее стукнули сверху по темени. Обо что стюардесса могла так удариться? Да ни обо что! Выходит, кто-то убил ее. Кто-то из находившихся в самолете вроде благонравных граждан. И я подозреваю, зачем: возможно, девушка была соучастницей человека, задумавшего это преступление.

Но на что они рассчитывали? Самолет рухнул на джунгли, и то, что умирающие пилоты смогли посадить его с минимальными потерями, просто счастливый случай. Или нет? Летчики мертвы, кто-то отравил их, значит, кому-то было нужно, чтобы наш самолет упал именно здесь и сейчас. Кто-то пошел на большой риск, только непонятно, ради чего. И этот кто-то – один из пассажиров, потому что стюардесса была убита после падения. Хорошо, что я ушла оттуда. Судя по всему, мне и теперь надо поторапливаться.

Я встаю и отряхиваю с джинсов сухие частицы. Что же, Тори, твой инстинкт самосохранения не подвел тебя и на сей раз: лучше оказаться в джунглях тет-а-тет с ягуарами и змеями, чем остаться в обществе так называемых цивилизованных людей, один из которых – убийца. Думаю, и у Брекстона, и у Мерион Хексли, и у других хватает грязи на совести. Я тоже не святая, но готова признать это публично, а они – нет, в том и разница между нами. Именно

показную «святость» я ненавижу в американцах. Все должно быть красиво – снаружи, а то, что с изнанки, – частная жизнь и права человека. Гадость и двойная мораль. Собственно, а где по-другому? Есть такие места, но цивилизованными их назвать сложно. Поэтому я и провела там много лет.

Сзади нарастает визг – кто-то напугал обезьян. Возможно, питон, а возможно, кто-то еще. Во всяком случае, я сейчас собираюсь спрятаться. Береженого бог бережет! Так что я ныряю в заросли папоротников, рискуя быть укушенной пауком или змеей либо потревожить еще кого-то, столь же неприятного.

Но нет, тут все в порядке и никаких гадов, только какие-то жучки и паутина. Кто-то идет за мной, по моим следам, и этот кто-то каким-то образом напугал обезьян. Я сжимаю в руке нож. Берегись, мой неизвестный враг, задешево я свою жизнь не отдам. Но стрельбу устрою только в самом крайнем случае. Падение самолета и так было громким, а стрелять в джунглях… Я же не сумасшедшая! Как и в Африке, здесь полно двуногих охотников, и они не пугаются выстрелов, а совсем наоборот. Ягуары и змеи в подобных местах – еще полбеды, чтоб вы знали.

Чьи-то руки обхватили мою шею. Ярко-желтые круги возникли перед глазами, и стало нечем дышать. Тому, кто тянет вверх, не хватает сил поднять меня, а шею ломать он мне, очевидно, не хочет. Я оставляю попытки оторвать от себя руки противника и, ухватившись за него, бью ножом – наугад. Он упал на меня, как спелая груша, тиски ослабели. Схватка заняла какую-то секунду, не больше, я даже испугаться как следует не успела. Разжимаю пальцы, выпуская из захвата ткань. Ткань?!

Я открываю глаза и спихиваю с себя неподвижное тело. Черт подери, у него вполне могут быть насекомые! Этого мне еще не хватало!

Нападавший не индеец. Молодой, достаточно крепкий, но малорослый, как все здесь. Оливковый цвет лица и усики, густые ресницы и неопрятные волосы. И от него воняет. Нож вонзился ему в грудь – руки у меня длиннее, и все больше, чем у него. Если бы я дальше пыталась оторвать его руки от своего горла, он бы придушил меня до потери сознания, а потом… Кто знает, что было бы потом, но точно ничего полезного для меня. Я ударила ножом наугад, а попала прямо в сердце – мой противник умер еще до того, как упал, скорее всего, так и не поняв, что его убили. Вот так-то, парень, я больше и сильнее, а потому выжила, таков закон джунглей. Но как он подкрался ко мне, что я не услышала его?

Одет в камуфляжный костюм, а ноги босые. Судя по состоянию стоп, не ходит босиком постоянно, а сейчас пробирался по деревьям, как Тарзан. Вот почему всполошились обезьяны! Значит, он где-то оставил обувь и преследовал меня таким экзотическим способом. Зачем? И где его братья по разуму? Парень не вооружен, оружие ему только помешало бы. Но если этот тип здесь, значит, кто-то его послал по моим следам. Кто? Какая разница. Нужно уходить отсюда, пока меня не догнали гораздо большие неприятности. А самолет-то, видимо, уже нашли…

Может быть, это работа Эда? Журналист отговаривал меня от моего плана идти через джунгли самостоятельно, притворившись благородным спасителем добропорядочных янки. Он один знал, что я бывала в джунглях раньше и что у меня есть шансы выжить. Но отчего парень, свалившись на меня с дерева, сразу не убил? Ведь мог бы, если захотел, сломать мне шею, но нет, просто сжал горло, чтобы я потеряла сознание. Я зачем-то была ему нужна живой. Собственно, в этом я с ним солидарна – себе я тоже нужна живой.

Маскирую тело убитого под кустами, обыскав предварительно карманы. Ничего нет, кроме серебряного католического крестика. Что ж, амиго, не повезло тебе сегодня. А в следующей жизни повезет в любви.

Горло немного болит, но это мелочи. Осторожно продвигаюсь вперед, деревья обступают меня все теснее. Если бы я не спешила так, то полюбовалась бы местной флорой, но сейчас мне совершенно не до нее. Надеюсь, ублюдок был один, но отчего-то не очень верится. Кто-то послал его по моим следам – кто-то, который все это устроил. Подозреваю, что симпатичный блондин Эдвард.

Наконец деревья редеют, и я выхожу на склон горы. Тут лучше дышится, уже видно небо – такое же, как в Майами, даже лучше. Никогда больше не сяду в самолет, не хочу снова пережить такой ужас – когда он падает. Никогда больше, ни за какие коврижки. Лучше пешком буду ходить. В крайнем случае куплю себе самокат.

Тело мое просит отдыха, и я опускаюсь на камень, торчащий из земли. Рядом видны другие камни – здесь начинаются горы. Если бы мы рухнули здесь, камни разнесли бы самолет вдребезги. Пилот выбрал место для падения вполне удачно. Интересно, что там сейчас происходит? Неужели янки до сих пор торчат в самолете? Ставлю доллар, что нет.

Думаю, о них уже позаботились. Я даже не стану ломать голову, для чего все это понадобилось. Какая, в сущности, разница? Наверное, и место для падения тоже было выбрано не случайно. Мерион тогда еще удивлялась и спрашивала, не летал ли самолет кругами. Наверное, так и было, пилот искал безопасное место для посадки либо ожидал условного сигнала с земли. Хотя последнее вряд ли, слишком густо сплелись кроны, чтобы увидеть что-то под ними. Виртуозная работа, но по итогу не повезло.

Солнце уже катится в сторону заката, перевалив за полдень. Пора вставать и идти. Тут шагать легче – хоть и вверх, но заросли уже не такие безусловные, если вы понимаете, о чем я говорю. Если мне повезет, найду воду, пригодную для использования.

Пора бы что-нибудь съесть, но мне некогда, ведь нужно еще найти место для ночлега. Больше всего меня устроит пещера, недоступная для зверей, пресмыкающихся, свободная от пауков и летучих мышей, желательно с чистым ручьем в глубине. Только вряд ли удастся найти здесь такой номер-люкс. Но заночевать под открытым небом, разведя костер – даже не глупость. Лучше сразу пустить себе пулю в голову – результат тот же самый, но процесс не такой болезненный.

На ходу достаю из рюкзака пластиковую бутылку с водой и шоколадку. Шоколадка подтаяла, но съедаю ее всю, а фантик прячу назад в рюкзак. Нечего загрязнять окружающую среду, к тому же не следует оставлять следов. Думаю, меня уже ищут, иначе как объяснить появление придурочного Тарзана? Этот новопреставленный раб божий собирался меня поймать, у него были грязные намерения и нехорошие мысли, а теперь он упокоился под кустом папоротника.

Я иду вперед, все время поднимаясь в гору. Вот каменный провал, неширокий, но внизу зеленовато отсвечивает вода. Крокодилов пока не видно, но до воды метров тридцать, а стена каменная и вертикальная. «Как моя бывшая учительница Ольга Гавриловна», – усмехнулась я неожиданному воспоминанию.

Я шагаю вдоль пропасти. Где-то должен быть спуск, ничто не длится бесконечно. Я должна перебраться на другую сторону, и там, возможно, найду тебе убежище для ночлега. Или нет, но идти нужно, как ни крути. По крайней мере, лишь таким способом использую шанс выбраться отсюда и найти кого-то, кто скажет, где я нахожусь. Просто нужно продвигаться вперед, только тогда

будет результат.

Лианы так густо оплели деревья, что приходится продираться сквозь заросли. Постоянно спотыкаюсь и оглядываюсь. Я ужасно рискую, поднимая такой оглушительный шелест, но мне уже самой интересно, когда все это закончится и кто следующий попытается добыть мой скальп. А может, и никто? Неважно, нужно просто идти… Как же перебраться через пропасть? Неужто придется прыгать вниз? Нет, не стану! Там могут быть крокодилы. Или пираньи, или еще какая-нибудь сволочь, кто знает.

Снова выхожу на более-менее свободное пространство. Сколько я уже прошла? Трудно сказать. Нужно снова отдохнуть, так ведь и до теплового удара недалеко. А еще с каждой минутой, проведенной здесь, запах от меня не улучшается. Нужно помыться, выстирать одежду и переодеться в сухое. Но это потом, а сейчас… Я снова сажусь на камень, торчащий из грунта. Надо подумать и прислушаться. Слушать джунгли – полезная вещь, сильно продлевает жизнь. Вот как в данный момент, например.

Я просто падаю на землю, больно ударившись локтем о камень, на котором только что сидела. Кто-то движется сквозь заросли, и это не животное. Но движется как-то странно – неровно и тяжело, словно из последних сил. Тот парень, которого я зарезала, превратился в зомби и преследует меня? То-то смеху будет! Интересно, разбежались ли его насекомые? Господи, что я такое несу… У меня всегда была склонность к черному юмору, причем в самое неподходящее время, и мои шутки часто раздражали окружающих. Но кто же там все-таки штурмует заросли? Только бы не крокодил! Я этого не переживу…

– Тори!

Знакомый голос. Но я не собираюсь показываться из своего укрытия. Меня здесь нет, ясно? Я перелетела на ту сторону провала, ухватившись за лианы.

– Тори!

Нет уж, ни за что не куплюсь. Наверное, мои враги нашли труп Тарзана и теперь не хотят рисковать, вот и отправили Эдварда Краузе выманить меня. Или ему и правда нужна помощь? Ну и что с того, не собираюсь никому облегчать жизнь. Каждый сам за себя, таков закон джунглей.

Журналист выходит из зарослей, грязный до невозможности и почти неузнаваемый. Сумку свою он все-таки не потерял, но рубашка порвана и прилипла к телу, намокнув от пота и крови. Интересно, чем парень себя поранил, чтобы придать достоверности картине?

– Тори…

Эд озирается, шатается и падает. Но встает. Крепкий парень, я это и раньше отмечала. И что с того? А рана у него, похоже, огнестрельная. И резаная рана головы. Интересно, как он умудрился получить их? И откуда тут взялся? Стоит, озирается, бредет дальше. Однако далеко не уйдет, дальше пропасть. Надо же, присматривается к земле – мальчик умеет читать следы? С моими это нетрудно, я ломилась сквозь заросли, как носорог.

И вдруг из тех же зарослей вынырнули двое парней в камуфляже и бросились на Эда. Оба невысокие и поэтому сейчас похожи на псов, наседающих на гризли. Эдвард выше каждого из них и тяжелее, но их двое… Нет, уже трое, вот еще один бежит. Ишь, прыткий какой!

Я делаю ему подножку, и он падает, а я бью ножом в основание шеи. Ну, вот теперь и я вся в крови, в прямом смысле слова. А те двое принялись за Эда не на шутку, так что меня-то и не видят. Это хорошо, потому что я собираюсь слегка убить вас, ребята. Например, вон того точно достану ножом в спину.

Знаете кретинские боевики, где главный герой никогда не стреляет в спину врагу, а сначала кричит: «Эй, ты!» – или что-то такое? А когда плохой парень оборачивается, герой стреляет в него с чувством выполненного долга. Аудитория рыдает в экстазе, восхищаясь его благородством. Но все это киношный бред. Потому что когда вас прижали так, что дальше некуда, не имеет значения, куда стрелять – в спину, в грудь или еще куда-нибудь, главное, выжить.

Посудите сами: сколько шансов на выживание есть у женщины, на которую нападают двое или трое парней? И даже если один? Короче, когда вопрос насчет быть или не быть ставится ребром, то, по-моему, в этот момент не стоит вспоминать уроки анатомии и думать, куда более благородно всадить пулю или нанести удар. А потому я ударила парня ножом под левую лопатку, и тот упал. Эд сцепился с единственным противником, и небезуспешно. За минуту все было

кончено.

– Тори!

У него, мягко говоря, неважный вид. Но кто бы выглядел иначе с пулей в плече? Рана на голове пока не кажется мне опасной, а там – кто знает, все может быть. Интересно, скольких еще охотников за головами привел Эд по моим следам? Хотя пока вроде тихо.

– Нам надо переправиться на ту сторону.

– Тори, мы не можем. Тут нет переправы, а прыгать вниз… Я не доплыву!

– Пусть трупы плавают, давай-ка сбросим их вниз. А насчет нас у меня есть план.

Мы сбрасываем трупы с обрыва и идем обратно. Вот здесь заросли подступили совсем близко к обрыву. Когда проходила это место, мне пришла в голову одна мысль, над которой я тогда посмеялась. А напрасно. Теперь этот выход представляется единственно возможным.

– Нет, Тори, никогда!

Эдвард, дружище, никогда не говори «никогда». Ничего, лианы крепкие и выдержат нас. По крайней мере, очень на это надеюсь.

3

– Черт подери, больно-то как! Тори, полегче нельзя?

– Ишь, неженка… Измельчали мужики, от простой царапины визг на весь лес. Потерпишь.

– Но очень больно! Ты садистка!

– Я только начала, дорогой, а еще нужно вынуть пулю и прочистить рану. Ну, что снова не так?

– А без этого никак нельзя?

– Отчего же, можно. Помоги мне выкопать яму.

– Зачем?

– Так ведь похоронить тебя надо будет, когда помрешь. Или ты предпочитаешь стать кормом для зверей и насекомых? Давай, помогай, не одной же мне копать. Яма для тебя, вот ты, пока жив, и поработай для себя. – Смотри, хорошее местечко…

– А ты умеешь убедить.

– Как же иначе.

Мы устроились очень даже неплохо – после того как упали на землю, сорвавшись с лиан, перенесших нас через пропасть. Я тогда нехило стукнулась ребрами и вывихнула плечо, а Эд потерял сознание. Но не потеряли рюкзаки, а значит, наши шансы выжить все еще высоки. Я сама вправила себе вывих – старинным, варварским способом и, отдохнув, теперь занялась царапинами Эда. И вот такая мне благодарность – тот визжит и бледнеет, как девчонка. Главное, мы все-таки нашли подходящее место для ночлега – небольшой водопад, а за ним – пещерка. Пришлось, правда, прикончить какую-то полосатую гадину, жившую там, но это уже мелочи. Мы помылись, я достала инструменты и собираюсь его починить, а этот трус сопротивляется медицине, как дикарь.

– Что за штука у тебя в руках? – спрашивает любопытный журналист.

– Вот эта? С блестящей головкой? Зонд. Я введу его в рану, чтобы определить, где находится пуля и не распалась ли она на части, а потом разрежу кожу, ткани, выну ее и почищу рану. А затем все зашью и введу тебе антибиотик. Надеюсь, ты родился под счастливой звездой и воспаление не начнется, потому что антибиотиков у нас маловато. Собственно, рана пустяковая, и условия для работы у меня более-менее, иной раз приходилось делать гораздо более

сложные операции в условиях гораздо худших, и кое-кто из пациентов все же выживал. Еще вопросы?

– А по-другому нельзя?

– Можно. Лопатка у нас маленькая, но грунт здесь мягкий, так что если сейчас начнешь рыть яму, то…

– Я не о том.

– А я как раз об этом. Ты что, мешком ударенный? Пойми простую вещь: в здешнем климате, в таком нездоровом месте, как джунгли, любая царапина может стать причиной смерти. А уж такое ранение – тем более. Не дрожи, я сделаю тебе укол обезболивающего.

Эд покорно укладывается на простыню, которую я расстелила на полу пещеры. Солнце освещает наше убежище сквозь поток водопада, и нужно ловить момент – кто знает, сколько продлится такое естественное освещение моей операционной.

– Не дергайся, если не хочешь, чтобы я тебя случайно зарезала. И предупреждаю: вздумаешь кричать, стукну тебя по голове.

– А клятва Гиппократа?

– Я должна сохранить тебе жизнь, так что подобные меры приемлемы.

Пуля засела не очень глубоко, а калибр небольшой, что само по себе странно. Никогда бы не подумала, что здешние миротворцы пользуются револьверами. Хотя все может быть, оружейных магазинов здесь нет, пользуются тем, что достанут. По крайней мере, пока я допускаю такую версию, а там поглядим. Ну вот, Эд все-таки потерял сознание. Бедный мальчик, такой цивилизованный… Ничего, это пройдет.

– Все?

– Ага. Как себя чувствуешь?

– Так, словно меня резали ножом.

Я устраиваю его удобнее и ввожу антибиотик. Хорошо, что есть какой-то запас, хватит на несколько дней, а там, надеюсь, организм парня справится сам. Пока побудем на месте, тут, во всяком случае, есть вода.

– Тори…

– Чего тебе?

– Спасибо.

– Не за что. Это мой долг.

– Ты спасла меня… там.

– Я сама себя спасла. Ты же привел по моим следам незнамо кого! Что я должна была делать? Эд, вот чем ты думал, скажи мне. Объявил себя знатоком местных особенностей – так чего тебя понесло в джунгли? Вроде ведь хотел вернуться в самолет.

– Я и вернулся. Ну, почти вернулся… Знаешь, я был ужасно зол на тебя и неприятно удивлен твоим поступком. Мне казалось, ты… необычная женщина. И когда ты заявила, что собираешься идти одна, я сначала не поверил, а потом это меня возмутило. Понимаешь, поскольку так все случилось и мы все вместе оказались в том самолете, я считал, что мы и должны держаться все вместе. А ты… Да я просто ушам своим не поверил! Мы там сидели, строили планы, а ты, оказывается, имела свой собственный план. Когда ты развернулась и исчезла, я пошел к самолету и всю дорогу злился на тебя. Но все-таки решил сначала осмотреться, сделал круг и приблизился к самолету с другой стороны. А там уже были те люди, в камуфляжной форме, но не солдаты. Я подумал, что это либо повстанцы-террористы, либо люди наркокартеля. Раздался выстрел, потом женский крик. Я бросился бежать, но меня заметили и подняли стрельбу. Я думал, что уже оторвался от них, как вдруг кто-то прыгнул на меня сверху. С дерева, что ли? Он замахнулся ножом, но я уклонился, а потом ударил его, и тип упал. Может, я убил его – не знаю. Они все невысокие и не очень сильны. Я надеялся, что смогу убежать, ломанулся в джунгли. А потом заметил, где шла

ты, пробивая дорогу, и мне показалось, что это хорошая мысль – идти твоей тропой, потому что я решил догнать тебя. Я ведь сразу и не понял, что ранен… Черт, ты была права, а я оказался дураком. Послушал бы тебя – остался бы цел.

– Ты и так почти цел. Как думаешь, кто за тобой охотился?

– Не знаю. Может, и правда наркокартель?

Может, и наркокартель. Или террористы, кто знает. Я пока не стану делиться своими догадками. И так уже прокололась, дав понять, что у меня есть определенный опыт и навыки. Устроили, значит, стрельбу? А почему я ее не слышала? Собственно, если калибр оружия был небольшой, вокруг меня орали джунгли, а отошла я уже порядочно… Ладно, пока объяснение принимается. А вот насчет остального еще подумаю. Возможно, все было так, как говорит Эд, а может, он сплел мне первую попавшуюся сказочку, которая пришла в голову. Я сначала должна поразмыслить.

– Есть будешь?

– Нет.

– А придется.

– Тогда зачем спросила?

– Просто так, из вежливости.

Эдвард не находится с ответом, а я достаю из его сумки сэндвичи. Их надо съесть первым делом, пока не испортились. Еще пищевого отравления нам не хватало.

– Интересно, ее можно пить? – Эд оборачивается на поток водопада.

– Полагаю, если прокипятить, то вполне.

– А зачем ты разжигаешь костер?

– Собираюсь стерилизовать инструменты, чтобы снова были готовы к употреблению. Вот случится еще что-то, я открою контейнер и воспользуюсь ими, не надо тратить время на стерилизацию. Иногда судьбу живого организма решают минуты, а то и секунды.

– Лучше бы в них не было больше надобности.

– Согласна. Но я всегда предполагаю худшее.

У нашей пещеры один существенный недостаток: из-за шума воды мы не слышим, что творится снаружи. С другой стороны, пещера не видна из джунглей, нас можно обнаружить, только если знаешь, что она здесь есть. Я на нее наткнулась совершенно случайно. Конечно, надежда на то, что совсем никто о ней не знает, весьма призрачная, если нашла я, мог найти и кто-то другой, но нам все равно больше некуда деваться, потому что скоро станет совсем темно.

Я заканчиваю возиться с инструментами и прячу контейнер в рюкзак. Их мне подарила тетя Роза, когда я поступила в университет. Она ужасно мной гордилась – как же, столько усилий на меня потратила, и оказалось, не зря!

– Почему у тебя такая странная фамилия – Величко? Ты русская?

– Ну да, наверное, русская.

– Ты точно не знаешь? Как такое возможно?

– Ну, если не в курсе, кто твой отец…

– А имя? Тори – это Виктория?

– Виктория, да. На родине я была Викой, здесь стала Тори.

– А куда ты летела?

– Идиотский вопрос, ты не находишь? Самолет следовал в Ла-Пас, ты тоже летел туда, как и остальные. Это же не автобус, промежуточных остановок нет.

– Вообще-то я не о том. Зачем тебе нужно было в Ла-Пас?

– Работать в тамошнем консульстве, потом – в госпитале при миссии ООН.

– В Африке ты тоже так работала?

– Почти так. Эд, ты переполнен вопросами.

– Извини. Я журналист, интересоваться миром – моя работа.

Я думала, интересоваться миром – естественное состояние человека, но для некоторых это работа. Есть работа – интересуются миром, нет – жуют жвачку. Я мало понимаю янки, хотя и прожила среди них большой кусок жизни. Они были мне чужими, и я была среди них чужая, так и осталось.

С первой минуты, как только мы с тетей Розой сошли с трапа самолета, я чувствовала себя чужой на их земле. Их улыбки, манера говорить, их чистенькие бумажные домики с обязательными газонами и постоянные судебные иски друг к другу – все это раздражало меня ужасно. Я не смогла ассимилироваться среди них. Просто не захотела. Именно потому и занимаюсь тем, чем занимаюсь, а не врачую локти и коленки, ушибленные при игре в гольф. Все эти шумные, уверенные в своей богоизбранности цивилизованные граждане… Короче, мне лучше без них. Не потому, что они плохие – просто слишком другие. Или я слишком другая.

– И как давно ты в Штатах?

– Давно, лет двадцать уже, наверное. Еще вопросы?

– Много вопросов. Ты интересуешь меня, Тори Величко. Меня всегда интересовали сумасшедшие, как ты, женщины. Надо ж до такого додуматься – прыгнуть с обрыва, ухватившись за лианы!

– Ты прыгал вместе со мной. Забыл?

– Как я только согласился на это, до сих пор не могу понять.

– Пришлось согласиться. Что нам еще оставалось?

– Ты права. Давай спать, что ли? Уже темно. Иди сюда. Не бойся, я не стану к тебе приставать.

– У тебя завышена самооценка. Надеюсь, плечо твое поболит.

– Уже болит, но это дела не меняет. Никакой радости – сидеть в темноте поодиночке.

– Боишься темноты?

– Иди ко мне.

Я на ощупь нахожу его и устраиваюсь рядом. Еще днем я принесла сюда кучу папоротниковых веток, и хотя они примялись, а все ж не на голой земле спать. Тут влажно и довольно прохладно, и это хорошо для раны Эда, а вдвоем не замерзнем.

– Ты меня не убьешь, если я тебя обниму?

Дудки, так дело не пойдет!

– Не убью, но пинка дам. Не люблю, когда ко мне кто-то прикасается.

– Почему?

– Не о чем говорить, не люблю, и все.

– Я обниму тебя по-дружески. Не толкайся, мне же больно! Тори, пожалуйста… не будь такая. Ну ладно, признаюсь – да, я боюсь темноты. Довольна? Никто об этом не знал, я считал, что…

– Прекрати истерику. Надо было сразу сказать, а не строить из себя непобедимого мачо. Ох уж мне ваша уверенность, что иметь фобии стыдно и недостойно настоящего мужчины… Все вы просто идиоты!

– Это диагноз?

– Да.

– Теперь я могу обнять тебя?

– Да, черт тебя подери!

– Не сердись…

– Повторяю: терпеть не могу, когда до меня дотрагиваются. Такая у меня фобия.

– Когда-нибудь мы будем смеяться, вспоминая сегодняшнюю ночь.

– Если у нас будет это «когда-нибудь».

– Будет. Я…

– Тихо! Ты слышишь?

– Нет. Там никого нет.

– Безответственное заявление.

Там полно всего. Там сейчас ползают змеи и ходят на мягких смертоносных лапах большие хищные коты, там летают летучие мыши, и прикосновение любой из них опасней укуса змеи, потому что они переносят страшные болезни. Там… Собственно, я также не уверена, что нас оставили в покое парни, которые охотились за нами днем. Нет, конечно, именно те нам уже ничего не сделают, разве что явятся взывать к нашей совести в виде призраков, что маловероятно, а вот их коллеги… Интересно, где сейчас наши спутники – Брекстоны и Хиксли? И кто же все-таки виноват, что мы оказались в таком дерьме?

– Тори…

– Тихо. Там кто-то есть.

Я умею слушать тишину. Потому что долго жила в джунглях и научилась распознавать звуки. Те джунгли тоже были не мед, хуже этих. Там были болота, пиявки, лихорадки и змеи, а на равнинах водились львы. Там постоянно случались разные гадкие вещи, там… В общем, Африка мне тоже чужая, и я рассталась с ней без малейших моральных судорог. Даст бог, никогда больше не свидимся. Я хочу покоя.

Кто-то осторожно ходит вокруг. Я слышу мягкие крадущиеся шаги, и мне страшно. Кто бы там ни был, не с добром он ходит. С чего бы хорошему человеку шляться среди ночи в джунглях? Очень надеюсь, там не человек, а пума пришла напиться после удачной охоты. Это был бы идеальный вариант.

Эд прижимает меня к себе, словно хочет защитить. Нет, парень, я не знаю ни одного мужчину, способного защитить женщину. Ваше племя измельчало, перевелось на хрен собачий, и сей печальный факт большими буквами высечен на скрижалях моего представления о мире. Ничего не поделаешь, такая вот ассимиляция.

– Пойду и посмотрю, что там.

– Я сам.

– Ты ранен, и я запрещаю тебе двигаться. Или ты все-таки хочешь получить воспаление? Что тогда мне с тобой делать здесь? Лежи и не смей подниматься!

Встав, я на ощупь двигаюсь вдоль стены. Каскад шумит, вода плещется так мирно… Но я не усну, пока не узнаю, кого там черти носят. Темень такая, что я вся превратилась в слух. Рукоять пистолета, сжатая моей ладонью, скоро расплавится, так нагрелась. Эду незачем знать, что я вооружена, да и стрелять, надеюсь, не придется – скорее всего позади потока и правда просто абсолютно сытая пума.

Чья-то тень, темнее тьмы, прошла сквозь занавес воды и стала на входе. Это не животное: я чувствую запах крепкого мужского тела и чеснока. Значит, кто-то из аборигенов. И я бью его рукояткой пистолета по голове – не сильно, чтобы лишь оглушить. Потом нащупываю в сумке скотч и перематываю ему руки, ноги и рот. Пусть полежит здесь пока, а как рассветет, я у него спрошу кое о чем. Чего было

шляться среди ночи? Ну, своего ума никому не вставишь, так что придется ему дожидаться утра в таком неудобном и унизительном для настоящего мужчины положении.

– Что там, Тори?

– Не что, а кто. Утром рассмотрим трофей, а сейчас спи.

– Но…

– Спи, Эд, недосуг спорить.

Знаете, как я представляю себе мир, в котором живу? Каменистая пустыня, полная зыбучих песков и глубоких пропастей, а я балансирую между ними, пытаясь не сорваться в бездну или не провалиться в пасть затягивающих ям. Мне часто снится эта пустыня, и тогда наутро я просыпаюсь злая и несчастная.

А потому слова ночного «трофея» меня просто взбесили.

– Я убью тебя, женщина, – заявил пленник, едва ему освободили рот.

Вот идиот! А кто сказал, что я развяжу твои конечности? То, что я сорвала скотч с твоего лица, значит лишь, что мне нужна твоя способность разговаривать, а двигаться тебе для этого совершенно не обязательно. Может быть, я и убью тебя вот так, связанного. Плевать мне на совесть, потому что в джунглях она впадает в глубокий анабиоз, так на нее действует вонь зеленой влажной чащи.

– Это потом, амиго. Как тебя зовут?

– Ничего не скажу тебе. Я тебя убью.

Мечтатель. Убил бы, точно, причем не спросив, как звать. А я вот нет, я воспитанная, а потому спрашиваю. Не то чтоб мне было интересно, а просто ради вежливого начала разговора. Не хочешь вежливого обхождения? Тогда получай, мне не жаль. Думаю, пинок под ребра немного умерит твой пыл, амиго.

Пленник стонет сквозь зубы и пытается испепелять меня взглядом. У него смуглое лицо, прямой нос и густые брови. А в больших черных глазах, удлиненных, окрыленных прекрасными ресницами, – кстати, у кого, где я видела подобные? – такая злость, что гремучая змея нервно курит под балконом. Только, чико, мне не страшно. Мне уже ни от чего на свете не страшно, но ты пока об этом не знаешь. Ты лежишь тут связанный и не желаешь поддерживать светский разговор. Ладно, сейчас я научу тебя манерам. Правда, тогда наши отношения перейдут совсем в другую фазу, и тебе же будет лучше, если не станешь доводить меня.

– Как знаешь. Мне, в конечном итоге, безразлично твое имя. Ты и жив-то еще просто потому, что я хотела порасспросить тебя о некоторых вещах. Но если нет – значит, нет. Умрешь безымянным.

– Ты этого не сделаешь!

– Ты так думаешь? Напрасно.

Я принимаюсь за осмотр поклажи ночного гостя. Практичная вещь – рюкзак. Что у нас тут? Початая бутылка бренди, несколько банок консервированных бобов со свининой, военная аптечка первой помощи американского производства, коробка патронов к пистолету тридцать восьмого калибра. А сам-то где? Я слишком быстро связала парня, так что оружие должно быть где-то при нем. Надеюсь, он не боится щекотки?

– Я убью тебя.

– Ты, наверное, знаешь по-английски только эти слова? Не напрягайся, мне все равно.

– Я убью тебя.

– Твои речи чересчур однообразны, тебе не кажется?

Пистолет такой же, как и у меня. Отлично, значит, теперь моя боеспособность улучшилась, и это меня по-настоящему радует. Хоть что-то приятное случилось.

– Ну, и что мы решим, амиго? Поговорим или мне сразу пристрелить тебя?

– Тори!

Однако не вовремя Эд решил поучаствовать в разговоре. Впрочем, все равно пора уколоть ему антибиотик. Рана его имеет весьма приличный вид – если и дальше так пойдет, возможно, удастся избежать воспаления и через неделю журналист сможет вести более-менее нормальный образ жизни.

– Тори, что ты собираешься сделать?! – Эд ошеломленно смотрит на меня.

– Ты о чем?

– Ты намерена убить пленника?

– Да. А что?

– Это же варварство! Ты не можешь…

– Конечно же, могу. Хотя ты прав, стрелять не стоит, звук выстрела далеко слышен, да и патрон жаль. Поэтому я просто перережу ему горло.

– Прекрати паясничать! Ты знаешь, о чем я. Ты не можешь убить этого человека, он ничего плохого нам не сделал.

– А ты предлагаешь подождать, пока сделает? Смотри, какой здоровяк! И он-то ни минуты бы не раздумывал, просто убил бы нас, и все. Здесь такой мир, Эд, и ты либо живешь по его законам, либо умираешь молодым, и тогда тебе нет дела ни до каких законов.

– Но это невозможно! Я ушам своим не верю!

– Тебе лучше поскорее начать им верить. И не зли меня.

– А то ты и меня убьешь?

– Правильно. Наконец ты понял.

– Кошмар! В голове не укладывается!

Но я его уже не слушаю. Ох уж мне эти янки с их странными взглядами на неприкосновенность человеческой жизни! Устроить бурю в пустыне, стереть с лица земли небольшую страну, отравить кого-нибудь газами можно, поскольку делается из государственных интересов, а убить связанного бандита варварство? Не вижу логики. Но и нет смысла искать ее среди этих образцовых граждан. Американцы далеко не так свободны, как всем рассказывают. Например, они не могут дать ремня собственным распущенным детям, чтобы хоть немного привести их в чувство, надеть днем яркие украшения и поухаживать за понравившейся женщиной. Да и вообще они не в состоянии общаться между собой без адвокатов и психологов. А главное, янки совершенно не способны понять, что никто не обязан жить так, как того желают они, а потому ужасно злят меня. Сейчас, скажем, злит присутствующий здесь представитель сего племени – журналист Краузе.

– То есть ты предлагаешь отпустить пленника?

– Да. Потому что это правильно!

– Ответ неверный. Ты не в теме, так что лежи молча, пока цел.

Я снова поворачиваюсь к ночному «гостю». А тот уже скоро прожжет во мне дырку своим взглядом. Нет, чико, у тебя в башке единственная извилина, и та от бейсболки. Нож у меня острый, и зарезать тебя для меня не проблема. Я даже не стану париться, пряча труп – просто вытащу наружу и оставлю в джунглях, за считаные дни от него ничего не останется.

– Парень, ты не хочешь мне сказать, что это за приятная местность?

– Перу. Или Колумбия.

– Ага. А точнее?

– Джунгли.

Кажется, ему хочется развлечься. Ладно, давай поиграем, я не против. А потому снова даю пленнику ощутимого пинка, и у меня становится намного легче на душе.

– Тори, прекрати немедленно!

– Закрой хлебало, Эд.

Тоже мне, великий гуманист. Прекратить! Да я зла, как все черти ада! Ничего, сейчас всем небо с овчинку покажется, мне надоела эта идиотская ситуация. Если бы не Эд, я была бы уже на пути к… к чему-то, главное – далеко отсюда. А теперь извольте видеть: связанный нахал с одной стороны, с другой – великий гуманист. И ни один из них не добавляет мне радости в жизни, черт подери! Но я намерена исправить положение.

– Знаешь, чико, ты меня заинтересовал. Поэтому я не убью тебя сразу, а немного развлекусь. Ампутирую я у тебя что-нибудь, например член, и просто оставлю здесь как есть, связанного. Как тебе мой план?

– Садистка проклятая, немедленно развяжи его! – Эд надрывается, пытаясь встать. – Так нельзя, Тори!

– Если ты не прекратишь истерику, то сейчас присоединишься к нему. Что ты делаешь в джунглях, чико? Зачем шляешься в темноте, когда все добрые люди спят?

Пленник молчит. Вот болван! А ведь должен понимать, что так себя вести просто нерационально. Уж эти мне латиносы с их гордостью… Лежит теперь мачо недоделанный вместе со своей гордостью, и что? В его возрасте надо быть умнее.

– Чего молчишь? Слова забыл? У меня-то время есть, а вот у тебя – нет. Тебе же, наверное, давно пора отлить, а в штаны не хочется. Я права? Так-то.

– Сучка!

– Ругательством делу не поможешь. Добьешься только того, что тебе в какой-то момент станет нечем отливать. А я буду смеяться до колик.

– Я тебя убью.

Мне надоело. Даже убивать его перехотелось. Да и зачем? Оставлю его здесь в таком виде, и очень скоро все придет к логическому завершению. Парень ведь совсем не Гудини.

– Ну, как знаешь. Жаль, но ты не оставляешь мне выбора.

Я складываю вещи, а две пары глаз следят за мной. Эд, чертов кретин! Надо было мне спрятаться, когда на него напали, и пусть бы те молодчики прикончили его. Так нет же, влезла. Права была тетя Роза, когда говорила: не хочешь себе зла – не делай людям добра. Тетя Роза всегда была права…

– Вставай, Эд, мы уходим.

– И оставим его здесь?

– Да.

– Но это жестоко! Человек погибнет!

– Ну и что? Предпочитаешь погибнуть сам? Или ты думаешь, что он случайный прохожий? Эд, здесь не бывает случайных прохожих, мы не в центре города, а в джунглях! Или ты забыл, как тебя гнали сквозь них, будто лису на охоте?

– Но не этот же парень!

– Да откуда ты знаешь? Тоже мне, нашел Красную Шапочку! Если он в самом деле случайный прохожий, отчего тогда не скажет то, что я хочу знать? Ведь не требовала выдать тайну, ради сохранения которой стоит умереть, ни о каких государственных секретах не спрашивала. Что он ответил, ты слышал, и у меня нет оснований его словам не верить. Парень убьет нас, если освободится, либо наведет на наш след тех, вчерашних. Тебе очень этого хочется?

– Нет, конечно. Но так тоже нельзя.

– Да почему?! Хватит болтать, идем. Его рюкзак возьмем с собой, ему уже ничего не понадобится.

– Я так не могу!

Все, Эд довел меня до точки кипения. Он, видите ли, так не может… Зато я могу, и еще как!

– Ну что ж, так тому и быть. Вот твой рюкзак, оставайся здесь. Я сделала для тебя все, что могла, и все, что была должна. Засим – прощай, у меня нет времени на твои морально-этические судороги.

Я бросаю на землю рюкзак Эда и ухожу. Сколько времени зря потрачено на двух болванов! Уже могла быть далеко отсюда!

Солнце еще не повернулось под нужным углом, поэтому сумрачная зеленоватая пелена окутывает меня, и сразу становится трудно дышать. Тут ведь более-менее открытое место, а одежда уже прилипла к телу. Проклятие! Не люблю такое ощущение… Зато здесь нет львов.

– Тори!

Как же мне надоел слюнявый кретин Эд! Терпеть не могу их цивилизованную американскую заморочку – насилие недопустимо, ни за что и никогда. А сами-то что учинили в Югославии и в Ираке? Ну конечно, для них главное, что все то безобразие происходит где-то, а не на их глазах. Правде в лицо никто не смотрит, вот и заплатят теперь. По крайней мере, Эд точно заплатит. Прямо сейчас.

– Тори, подожди! Тори!

Он вынырнул из-за деревьев, растерянный и виноватый. Вот же навязался на мою голову, идиот!

– Чего ты голосишь?

– С тем парнем что-то не так. Пожалуйста, вернись, посмотри.

Больше всего мне сейчас хочется дать журналисту по морде. Ясное дело, он развязал пленника, у того начало возобновляться нормальное кровообращение в конечностях, а значит, какое-то время с ним действительно будет что-то не так. Но в том же и был смысл!

– Ты не можешь просто взять и бросить нас здесь!

– Эдвард, я не нанималась тебе в гувернантки. И не хочу вечно слоняться по джунглям, подбирая всех раненых и юродивых, которые будут попадаться на дороге. Не надо мне указывать, что я могу делать, а что – нет.

– Тори, ну пожалуйста…

Я молча отворачиваюсь от него и ухожу. Я многое могу сделать и многое вынести, но глупости на дух не переношу. А поступок Эда иначе, как глупостью, не назовешь. И ведь уже не в первый раз он тупит! Странно, в самолете он показался мне другим. Выходит, либо я ошиблась, либо журналист не тот, за кого себя выдает.

– Тори, подожди!

Эд бежит за мной, как потерявшийся ребенок. Боже мой, куда подевались сильные духом и телом прожженные негодяи? А хрен их знает, куда они подевались… Наверное, достались другим женщинам. А на мою долю остались ничтожества и слюнтяи, одержимые идеями всемирного братства.

– Ты взял свой рюкзак?

– Да. Тори, я…

– Это было твое решение, Эд. И поверь, оно еще вылезет нам боком, причем очень скоро.

– Но не мог же я…

Я с размаха бью его в челюсть. Журналист отлетает, впечатывается в ствол дерева и стонет. А мне больно ушибленную о его каменную башку руку. Ненавижу такие разговоры! Сейчас для меня существует один-единственный закон на свете: уцелеть. Но мои шансы уцелеть существенно уменьшаются, пока за мной будет бежать Эд. Слишком много от него шумовых эффектов. И вообще, мне нужен мужчина, который может все, а не слюнтяй, жалеющий все вся.

– Ты ударила меня!

– Ага. И если ты сию минуту не заткнешься, то получишь еще.

– Поверить не могу – ты ударила меня!

– Подай на меня в суд.

– Тори… ты не можешь так поступать, это же… Боже мой, ты меня ударила!

– И абсолютно правильно сделала.

Он подошел очень тихо, и если бы не крики Эда, я бы его услышала, а так… Быстро же мой пленник восстановился. Здоровый, гад!

– Отдай мне пистолет. – Его глаза насмешливо смотрят на нас. – Американцы такие странные… Меня они всегда удивляли и немного нервировали. Отдай оружие.

– А ты попробуй забери!

– Черт, именно этого мне хотелось бы избежать.

– То-то и оно.

– Так, может, поговорим?

– О как! А что изменилось?

– Теперь я свободен и наши глаза находятся на одном уровне.

Все бы ничего, если бы не одна деталь: я вижу между деревьями людей в камуфляжной форме. Преследователи все-таки догнали нас. Кто-то очень упрямый руководит ими. Упрямый и жестокий. Потому что мог бы уже махнуть на беглецов рукой и оставить на милость джунглей, но нет, послал вдогонку кучу вооруженных парней. И те явно собираются стрелять. Я мигом падаю на землю и откатываюсь за ближайший валун. Бывший пленник делает то же самое, подбив ноги опешившего от происходящего Эда. Пули-то уже свистят, хоть и не там, где мы.

– Отползаем.

Мачо собирается приказывать?

– Сколько их?

– Около двух десятков. Может, больше.

– Патронов хватит.

– Придут новые, на всех патронов не хватит, отползаем.

Мы двигаемся довольно быстро, но земля отчего-то закончилась. Я лечу в бездну, которая меня наконец нашла. А еще говорят, что сны не сбываются.

4

Когда-то давно, еще в той жизни, мне снилась такая бездна – и тогда тетя Роза будила меня, обнимала и пела песенку о Лемеле, который торговал игрушками и купил луну за ведро черешен, чтобы порадовать маму. Тетя Роза не знала других песен, да мне и не нужны были другие. Но мне с детства снилась эта бездна. Страшно так, что я даже кричать не могу. Вода поглотила меня, вобрала в себя, потащила в глубину. Что ж, кому суждено утонуть, того не повесят. Только стоило ли тогда бежать из самолета? А я действительно банально тону, и тьма

болит у меня в груди…

– Не понимаю, зачем я это сделал.

Кому принадлежит голос? А еще кто-то стонет рядом. Но я не хочу открывать глаза – мне тепло, сухо, солнце где-то далеко, за зеленоватой пеленой джунглей, орущих на разные лады.

– Эй, красавица, просыпайся! Я хотел тебя убить, но оказался таким же слюнтяем, как и твой приятель. Давай, приходи в себя, ему совсем худо. Ну же, Тори!

Меня душит кашель, и я переворачиваюсь на живот, чтобы легче было откашляться. Сколько я так лежу, если успела обсохнуть? Обсохнуть, как же… Интересно, где моя одежда?

– Я уже все видел, не стоит беспокоиться о мелочах.

Видали нахала? Мелочи, ишь ты!

Я фокусирую свой взгляд на том месте, откуда идет голос. Бывший пленник смотрит на меня задумчиво и немного иронично. Надо было убить его. Почему я его не убила? Ладно, еще успею.

– Меня зовут Луис Рауль Алехандро Мигель Исидор Эстебан Домингес.

– Твои родители специально это сделали? Ну, чтобы ты навсегда остался холостяком, придумали тебе столько имен. Ни одна женщина не запомнит их, ни один священник не произнесет без шпаргалки, да и тебе надоест повторять.

– Какой у тебя злой язык.

– Где моя одежда?

– Вот, успела высохнуть. Оденься, сделай божескую милость, а то я здесь уже почти два месяца, не надо испытывать мое терпение.

– Горячие латиносы, черти бы вас всех побрали! Где мой рюкзак?

– Вот, держи. Я взял только свое. – Парень демонстрирует пистолет. – Ты оставила мне намного меньше.

Но мне как-то не до него. Я достаю контейнер с лекарствами и инструментами. Все, слава богу, уцелело, вода внутрь не проникла. Я одеваюсь и оглядываюсь на Эда – тот бледен и без сознания, но дышит нормально. Хотя даже сквозь загар видно, что плохи его дела.

– Я вытащил сначала тебя, а потом его.

– Лучше бы наоборот, он же ранен.

– Из вас двоих ты более ценна. У тебя нет опасных предубеждений и есть несколько нужных навыков. К тому же я склонен к разнополому сексу.

– Даже не думай об этом!

– Почему? Помечтать всегда можно.

– Тебя в детстве, похоже, не предупредили, что от онанизма сохнет мозг, потому в твоей башке его так мало.

Парень дернулся от неожиданности, глаза его загорелись опасным огнем.

Эй, я тебя не боюсь! И мне чихать на твою ранимую душу. А вот если Эд потерял свой рюкзак, будет очень плохо. Собственно, и так куда уж хуже: у журналиста шок, он сильно ударился обо что-то ребрами. К счастью, на перелом не похоже. Я привожу его в чувство, он долго болезненно кашляет. Обрабатываю рану, меняю намокшую повязку и ввожу очередную дозу антибиотика. Может быть, не все так плохо. Только нужно найти спокойное место – ему бы отлежаться два-три дня.

– Ты всегда говоришь первое, что приходит в голову? – интересуется здоровяк мачо.

Я усмехаюсь про себя. Вообще-то никогда, но ему об этом знать не надо.

– Конечно. А что?

– Когда-нибудь ты из-за своей способности попадешь в большие неприятности.

– Да ладно… Все зло на свете от того, что люди думают одно, говорят другое, а делают нечто третье.

– Это называется – такт и воспитание.

– Это называется – ложь и двойная мораль. И не для того я шляюсь по джунглям, чтоб меня учил жизни бродяга в рваных штанах.

– А для чего ты шляешься по джунглям?

– Ни для чего. Не твое дело. Где хочу, там и шляюсь, ты мне не указ. Вот, подержи здесь, я его перевяжу, а потом займусь твоей рукой. Чего морду кривишь? Ты распорол чем-то руку от локтя до плеча и перемотал грязной тряпкой. Думал, не замечу? Не бойся, чико, будет не очень больно.

– Не называй меня «чико».

– Как захочу, так и буду называть.

– Я тебя убью.

– Слышала уже, ты обещал. Обещанного три года ждут, знаешь?

– Как это?

– Пословица такая есть.

– Никогда не слышал.

– Еще бы!

– Эх вы, хватит вам уже…

Глаза у Эда голубые и несчастные. Куда я смотрела? Да никакой он не просоленный журналюга, а просто мальчик из хорошей семьи, который решил кому-то доказать, что и он мужчина. Щенок ты шелудивый, а не мужчина! И загар твой совсем не тот, что человек получает, шастая по миру. Ты просто долго лежал голым в солярии – слишком равномерно и не слишком глубоко загорел. Парень, кого ты хотел провести?

– Закрой хлебало, Эд! Из-за тебя я оказалась в таком дерьме! В твоей башке куча всякого хлама, который может стоить нам жизни, если ты не прекратишь цитировать учебники воскресной школы. Давай, Луис, свой бицепс, посмотрю, что там у тебя. И не кривись, а то сейчас как заеду в ухо, так голова отлетит. Прямо передвижной лазарет, лечи вас всех…

Я так зла на них, что в шаге от убийства. Не терплю глупых накладок, а они сыплются, как град. Дернул же меня черт лететь в том самолете… Хотя выбора не было, ни одного билета на ближайшие дни не оказалось – идиоты болельщики ломанулись на футбол. Я спешила, у меня было предписание, а теперь спешу еще больше. Только что с того? У меня на руках двое раненых, а единственное, к чему я отношусь совершенно однозначно, так это к своему врачебному долгу. Люди, конечно, склонны к смерти, и тут ничего не поделаешь, но никто из них не умер от того, что я отказалась выполнить свой долг.

– Чего ты злишься?

Ишь ты, каким коммуникабельным мачо оказался! Нет бы раньше!

– А с чего бы мне радоваться?

– Мы все еще живы.

– В любом случае явление временное. Кстати, где мы находимся?

– Я и сам думаю над этим.

А подумать есть о чем. Вокруг нас кипит жизнь, но – как-то своеобразно. Мы находимся в глубокой расщелине: по бокам высокие вертикальные стены, а посредине озеро. В него-то мы и плюхнулись – ого, с какой высоты! Ландшафт явно вулканического происхождения. Мы расположились на ровном, как стол, камне, немного поодаль видна полоска песка, а за ней стена леса. Пушистые ветки зазывно машут нам, но как-то мне здесь тревожно.

– Хочешь сказать, что не знаешь этого места? Кто ты вообще такой и что здесь делаешь?

– Я уже слышал эти вопросы вместе с ужасными угрозами. – Луис тоже рассматривает окрестности. – Собственно, те же вопросы я хотел задать вам обоим, но природный такт и хорошее воспитание помешали мне. А я просто путешествую, ищу приключений и острых ощущений.

– И как, нашел?

– Ты же видишь.

Врет как сивый мерин. Как же, путешественник – с таким-то пистолетом! Хотя без пистолета путешествовать здесь и вовсе никак. Но из него такой путешественник, как из меня папа римский.

Я быстро произвожу инвентаризацию. Главное, что оружие при мне, магазин полный, патроны на месте, инструменты в порядке, вечернее платье и туфли целы, даже не успели намокнуть. Все остальное приложится, надо только поскорей выбираться отсюда.

– Эд, ты можешь идти?

– Да, только отдохну немного.

– Тогда перекусим. Кстати, Луис, а что за деятели гнались за нами, ты не в курсе?

– Вам лучше знать, они же за вами гнались. – Парень улыбается. Зубы у него все целы и белые, как в рекламе зубной пасты. – Я здесь уже несколько месяцев, и

за мной пока никто не гонялся.

– Ты искал приключений? Вот и они. Что не так?

– Только не приключений, связанных с Бешеным Педро.

– Значит, ты все-таки знаешь, кто за нами гнался?

– У меня же есть глаза! Конечно, знаю – люди Педро Монтои, местного кокаинового короля. Тут кока хорошо растет, многие этим живут.

Старая история. Одни травят себя гадостью, другие на ней зарабатывают. Где-то убыло, где-то прибыло, таков закон выживания, никто его не отменял. Если кишка у тебя тонка и ты не можешь жить в реальном мире, что ж, естественный отбор сделает свое дело. Раньше в понятие «естественный отбор» входили болезни, теперь – наркота. И между прочим, нынешний расклад кажется мне более справедливым, ведь чума косила всех подряд, а сегодня каждый сам выбирает себе чуму. Вот только прежде было гораздо меньше желающих заработать на эпидемии. Хотя я могу и ошибаться. Люди не меняются.

– И зачем мы понадобились кокаиновому королю?

– Вам виднее. Я видел, как упал самолет. Думаю, Бешеному Педро был нужен кто-то из вас. Кто?

– Уж точно не я.

Я никому не нужна. Тетя Роза далеко, а кроме нее, моя судьба никому не интересна. И это хорошо. Я чувствую себя свободной, могу делать все, что захочу. Я привыкла к одиночеству и не ищу ничьего общества. Просто люблю колесить по миру, не разбирая дорог, и все. Нет ничего страшнее окончательности. Вот ее я не вынесу. А когда умру, то стану облаком – буду летать по миру и плевать на человечество более ощутимо. В смысле дождем.

– Эд?

А Краузе просто жалок. Я видела таких, за подобным экземпляром даже пыталась быть замужем. Хорошо представляю всю его образцово-показательную скучную жизнь, потому что встречала таких типов не раз. Вот, извольте. Родился в состоятельной добропорядочной семье, где над ним тряслась мамаша. Его всячески баловали и убеждали в том, что он исключительный, не такой, как все. И парень уверен в этом до сих пор. В школе был бешено популярен, являлся капитаном футбольной, бейсбольной или какой другой команды, девки гроздьями повисали на нем, и Эд гордился собой. Потом – университет, тепленькое местечко, найденное для отпрыска папашей с хорошими связями и толстым кошельком. Но с какого-то момента мальчик пресытился, вот и решил показать себя миру. Словно мир не обошелся бы без него. Но последнее ему, конечно, и в голову не пришло. В общем, натянув на себя фальшивый загар да старые джинсы, мамин сыночек, примерный мальчик Эдди Краузе, ничтожество и сопляк, двинулся навстречу подвигам…

– А как насчет тебя, Эд? Может, именно по тебе сохнет Бешеный Педро? Отбросим мысли о его нетрадиционной сексуальной ориентации и подумаем, чем еще ты мог бы его заинтересовать. Что в тебе такого? Или у твоего папаши многовато денег?

– Не помню, чтобы говорил тебе о своем отце, Тори.

– И что с того? Просто зря ты сплел мне сказочку о своем славном журналистском прошлом. Может, ты и бывал в здешних краях раньше, но – как турист, не более того.

– Почему ты так решила?

– Не твое дело. Но имей в виду, я в этом уверена, а процесс мышления – моя интеллектуальная собственность. Давай, Эд, расскажи, как я сейчас ошиблась в тебе.

Он молчит. Луис сидит в стороне и наблюдает за мной с непонятной миной на лице. Во мне снова начинает закипать злость – время бежит, скоро опять встанет вопрос о ночлеге, а из-за двух болванов я не только не продвигаюсь вперед, но даже наоборот – провалилась невесть куда, едва не утопла. А ведь я совсем не собираюсь умирать! У меня нет на подобные глупости времени!

– Послушайте, разговор в таком тоне ни к чему не приведет. Вы не могли бы быть посерьезнее? – Луис поднимается и потягивается всем телом. – Кто еще находился в самолете? Вы же не единственные его пассажиры?

– Нет, конечно. Мы летели в обществе богатых янки. – Мне неприятно вспоминать о них. – И они были достаточно мерзкими, чтобы обзавестись кучей «поклонников» и «доброжелателей».

– Ну, ты себя-то не сбрасывай со счетов. Ты своим ядовитым языком доведешь до бешенства даже буддийского святого. – Луис роется в своем рюкзаке и достает банку с консервированными бобами. – Давайте поедим и пойдем дальше. Нужно выбираться отсюда, эти места – ничья земля, рубеж. Нужно уходить, иначе Педро, который здесь засел, нас достанет.

– Странно, что его люди все-таки отвязались от нас.

– Никто не захотел прыгать в пропасть. Непонятно, откуда она здесь взялась так некстати. Или, наоборот, к лучшему.

– Ты-то чего переживаешь? Ему нужны мы, а не ты. Вполне можешь уйти, и тебя никто не потревожит. Сам же говорил: за то время, что ты здесь, никто за тобой не гонялся, стало быть, и впредь не станут.

– Так и есть. Но одни вы отсюда не выберетесь.

– Выберемся или нет, не все ли тебе равно?

– Мне с вами интересно.

Что-то здесь не так. Интересно – это не мотив. Случайно ли мачо оказался в той пещере? Почему Луис не уходит? Зачем спасал нас из воды и какая ему с этого может быть польза? Кто он на самом деле? Спросить напрямую – соврет, недорого возьмет, а мне нужна правда.

– Тори, твои душевные терзания ранят меня в самое сердце. Ты не слишком любишь человечество? Тогда странно, что выбрала для себя столь гуманную профессию.

– Не понимаешь? Ладно, объясню. Если бы не была обязана спасать человечество, я бы его уничтожила. Процентов на девяносто.

– Надеюсь, ты шутишь.

Мы встаем. Я помогаю Эду идти – не могу его бросить в таком состоянии, к сожалению. Вообще-то я не шутила. Потому что не видела от людей ничего хорошего. Только тетя Роза была добра ко мне – не желая чего-то от меня взамен, а просто так. До остального человечества мне дела нет. Да, я лечу людей, и они уходят, растворяясь в пространстве. Не больше и не меньше.

Зеленые ветки подлеска цепляются за одежду и рюкзаки, и мне кажется, что какое-то насекомое может проникнуть мне за воротник. Как бы не цапнуло! Да и змеи тут точно есть. Хорошо, что не болото. И, главное, львов, львов здесь нет!

Если бы вы знали, какая жуткая тварь – лев, вы бы меня поняли. Я ужасно люблю котов, даже ягуаров, но лев не имеет с ними ничего общего, что бы там ни утверждали зоологи. Пусть засунут себе в зад свои дипломы! Львы уродливы, их глаза – глаза злого человека, а не яркие глаза кошки. У кошек естественная божественная грация, львам же она не присуща. Это животное просто машина для убийства, а коты – эстетика, созданная богами для того, чтобы люди могли познать совершенство. Лев – не кот, нечего ему примазываться к очаровательному пушистому племени. И я рада, что здесь львы не водятся.

Мы обходим склон горы и видим внизу долину. Колышутся кроны деревьев, а между ними видны развалины и белый купол храма, стоящего посреди мертвого города, такой огромный, что как будто подпирает небо. Я как-то видела собор Святого Петра в Риме, так вот это строение почти такое же громадное. И город вокруг храма был построен из такого же белого камня. Он неплохо сохранился и совсем не зарос – отсюда видны улицы, вымощенные камнем, разбитые колонны, странной формы дома. Вид потрясающий!

Я всегда любила развалины. Даже когда-то мечтала учиться на археолога, но тетя Роза убедила меня, что развалин и старых кладов осталось мало, на меня их может не хватить, да и искать их – сплошная морока. А больных везде полно, они сами будут искать меня. Тетя Роза была права, как всегда, но тяга к древностям у меня осталась.

– Ну, и что это такое? – Я просто подпрыгиваю от радости и предвкушения.

– Понятия не имею, – Луис растерян и удивлен. – Даже не представлял, что здесь может такое быть. Ничего подобного здесь в принципе не должно быть, чтоб вы знали. Просто не верю своим глазам.

– Идемте туда! Сейчас же, немедленно! – Моя душа рвется в развалины.

– Посещение руин может оказаться опасным. – Краузе устало облокотился на валун. – Кто знает, что там может быть. Дикари, например…

– Самые большие дикари – так называемые цивилизованные люди, можешь мне поверить. А потому лично я пойду туда, с вами или без вас.

– Мы все туда пойдем. – Луис поднимает рюкзак Эда. – Мы же себе никогда не простим, если не поглядим, что там такое.

Он прав. Если я сейчас отступлю, эти развалины будут сниться мне всю жизнь. Я буду ходить вокруг них в своих снах, разыскивая дорогу туда, – и не найду никогда, если не найду сейчас, наяву. Уж я-то себя хорошо знаю! Я редко отказываю себе, потому что сила моих нереализованных мечтаний и желаний меня же потом и уничтожает. Как тогда, с куклой. Бедная тетя Роза намаялась со мной…

Мы спускаемся по каменистому склону. Я вспоминаю все фильмы, которые смотрела на подобную тематику, особенно про Индиану Джонса, и думаю, что там, возможно, нас ждут какие-то тайны, сокровища и неизвестные науке рисунки. Может, это станция пришельцев? Или… Да что угодно там может быть! И я на все согласна. Ну – почти на все.

С того места, откуда мы увидели город, казалось, что он рядом. Но прошло добрых полчаса, пока мы дошли до разрушившихся стен и прошли в ворота, верхняя часть проема которых так высоко, что приходится задирать голову.

Улица, на которой мы оказались, вымощена плотно пригнанными друг к другу белыми плитами. И такие же белые дома – некоторые совсем разрушились, но

большая часть уцелела. Их стены расписаны жуткого вида картинками и украшены отталкивающими барельефами и узорами, на которые совсем не хочется смотреть, но глаза сами смотрят, хочешь или нет, и в голове нарастает странный гул. Я смотрю на своих спутников – нет, похоже, те ничего такого не чувствуют, значит, мне одной так повезло.

– Думаю, город строили не инки, такая архитектура совершенно для них не характерна. – Луис внимательно рассматривает колонны. – Причем он превратился в руины задолго до прихода конкистадоров. Интересно, чрезвычайно интересно…

– Откуда ты все это знаешь?

– Так случилось, что я преподаю историю и этнографию в Национальном университете – в свободное от приключений время.

Эд молча сопит. Он совершенно не рад нашей эскападе. Все-таки нет в примерных мальчиках тяги к авантюрам, интерес к миру у них только в связи с рабочей необходимостью.

– Вот как! Знаешь, а наука часто садится в лужу, когда речь идет о старых развалинах. Должна сказать, этот город был как минимум неприятным. Может, как раз конкистадоры, бравые парни, охочие до безнаказанной резни и золота, с ним управились?

– Нет. – Луис ощупывает барельефы, как слепой. – Город пришел в упадок задолго до прихода испанцев. Вот, посмотри, здесь изображения богов, но это не инкская манера, не их пантеон. Хм, какой-то неизвестный культ…

– Ну и уродов тут понарисовали!

Изображения поражают уродством и одновременно мастерством исполнения. Нет, даже не так. От них веет злом, намного большим, чем может вынести человек. Словно на стенах домов увековечили все самое ужасное, что только могло существовать во Вселенной от начала времен. Они как будто существуют вне стен – пустые глаза, щупальца, клешни, змеиные жала в оскаленных пастях каких-то непонятных существ, которых нельзя придумать, не нанюхавшись предварительно кокаина. Потому что представить, что рисунки делались с

натуры, вообще немыслимо, рассудок отказывает. В голове гул и бой барабанов, отблески костров и крики… И передо мной уже не рисунки – живые твари смотрят на меня, и в их глазах рождается вихрь, который затягивает, а крики становятся совсем уж нечеловеческими, в них слышен ритм, но очень странный, и я…

– Тори!

Похоже, я схожу с ума – галлюцинации просто так не начинаются. Вихрь, захвативший меня, полон звуков, которые пугают, и меня словно бы и нет уже, моя душа летит в этом вихре…

– Тори!

Я с трудом выныриваю из потока звуков и образов. Голова гудит, как колокол, перед глазами плывут темные пятна. Очень хочется пить.

– Тори, что с тобой? – В голосе Эда звучит испуг. – Смотри на меня, оставайся со мной!

Холодная вода льется мне на голову – Луис откуда-то добыл такую роскошь. Я беру у него из рук флягу и делаю глоток.

– А сейчас ты выпьешь бренди. – Луис достает кружку, разводит напиток водой. – Не надо делать такое лицо! Выпей!

Я терпеть не могу спиртное, оно мне вредит, но сейчас покорно выпиваю, и в голове проясняется.

– Тори, как ты? – Луис обеспокоенно смотрит на меня. – У тебя что-то болит?

Нет, у меня ничего не болит. Но объяснить им, что случилось, я не могу – потому что и сама не знаю. Просто эти рисунки… словно живые. Как будто изображенные на них твари проникают в голову, и ты начинаешь видеть то, что видели они, и… Не знаю, возможно, я сошла с ума.

– Барельефы выполнены с применением определенной технологии, действующей на подсознание, – задумчиво произносит Луис и тоже делает глоток. Затем передает кружку Эду. – Ты женщина, а значит, у тебя более восприимчивая психика. И сейчас я задаю себе вопрос: каким образом психотехнологии в изобразительном искусстве вкупе с манерой трехмерного письма, изобретенные буквально в последнее десятилетие, стали известны людям, жившим здесь несколько тысяч лет назад?

– Неважно. Может, картинки вовсе не люди рисовали – потому что там есть что-то… нечеловеческое.

– Подожди-ка… Подожди, сейчас вспомню… Где-то я слышал или читал… Нет, этого просто не может быть!

– Лично я поверю во что угодно.

Луис не слышал того, что слышала я, не видел вихрь, который едва не унес меня невесть куда, а потому я поверю в любую, даже самую неправдоподобную версию. Лишь бы мне объяснили, что же здесь, черт подери, происходит!

– Я всегда считал это местными сказками… – Луис озадаченно пялится в пустоту. – Только не понимал, на каком основании они возникли. У любой сказки, если ее разобрать, есть определенные реальные предпосылки – какие-то события, обработанные веками и фантазией, но настоящие. А у этих легенд, как я считал, не было и быть не могло никаких реалий в прошлом. И тем не менее они сохранились у многих племен, почти не отличаясь между собой по содержанию, словно были заучены слово в слово предками, а потом передавались из поколения в поколение без малейших изменений. Но так запоминают молитвы, а тут – легенда.

Мы садимся на ступеньки, ведущие к разрушенному храму. Его здание нависает над нами – огромное, я даже представить не могу, как такое можно было построить здесь. И я никогда не видела подобного строения. К нему ведут ступеньки, а черные провалы ряда отверстий вдоль его стен и фундамента совсем не напоминают окна, и разбитые статуи, и белизна камня, и тишина… Что бы тут ни водилось когда-то, сейчас его уже нет. Много столетий здесь только прах и тлен, но мне отчего-то до конца не верится в это, потому что вихрь, который тащил меня незнамо куда, был осязаемый и живой.

Но где-то может быть спрятано сокровище, а я всегда не против присвоить что-то красивое и блестящее.

– Давай, Луис, просвети нас.

– Думаю, мы нашли последнюю на земле крепость Древних, Виль-Таэн.

– Что?!

– Ну, город тех, кто был до нас. И ты права, рисунки, барельефы и скульптуры создали не люди, их авторы – те, кто был до нас.

– Луис, до нас было много всякого. Конкретнее нельзя?

– Если тебе так хочется, изволь. Но, по-хорошему, нам надо бежать отсюда, не разбирая дороги. Даже короткое пребывание в этом месте может обречь наши души на вечное проклятие.

– Луис, это вы, католики, верите в подобную чушь, я твоим предупреждением не впечатлилась. Давай, рассказывай.

– Не знаю, не знаю… В общем, суть легенды такова: до появления людей Землю населяли Древние – те, кто появился во Вселенной вместе с Хаосом. Они обитали на всех планетах Солнечной системы, явившись сюда откуда-то из других измерений через построенный ими портал. Древние – чудовища, совершенно иные. Их плоть – материя, по своей природе совершенно иная, чем материя, служившая основой для всего, понятного нам. Их энергия – чуждая людям и всему, что сегодня есть во Вселенной. Вот они-то и правили Землей когда-то, и не только Землей. Еще легенды утверждают, что они вернутся, а пока, вот уже миллионы лет, просто спят в недрах планеты. Но время от времени люди находят их Знаки и вспоминают их, создают культы. Когда накопится достаточно энергии, Древние восстанут и вернут себе то, что считают своим. Многие поколения людей боролись с адептами культов Древних, всегда отличавшихся крайней степенью жестокости. Думаю, найденный нами город был построен поклонниками Древних, получившими от них силу и знание, а уничтожили его инки – задолго до прибытия белых.

– Почему ты считаешь, что здесь поклонялись этим уродам? – Эд совсем скис, да и мне не по себе.

– О том свидетельствуют, во-первых, фрески и барельефы, выполненные в манере, не характерной ни для одной из известных культур, и с использованием техники, неизвестной в то время. Если честно, я не могу сказать, что именно было применено, чтобы создать изображения такого плана. Во-вторых, здесь находятся камни Вызова.

– Какие еще камни?

– Вот эти, перед храмом. Они словно случайно разбросаны, а на самом деле подчинены канонам Вызова. То есть камни размещены особым образом. В момент Вызова на них кровью жертвы изображались Печати, произносились слова Вызова, и дух Древнего снисходил к адептам, неся им запретные знания – в обмен на кровавые жертвы. Правда, я не знаю, кому именно из Древних здесь поклонялись.

– Может быть, всем вместе?

– Нет, Тори. Согласно легендам, древние жили поодиночке. Им нужен был простор. Кто засел именно здесь? Понятия не имею. Причем, даже если мы узнаем, как называли его жрецы, это не будет истинным именем Древнего, которое было известно лишь немногим посвященным.

– А я и не хочу знать. – Эд поднимается. – Давайте просто уйдем отсюда, здесь как-то неприятно.

– Трус несчастный! – не сдерживаю я своих эмоций. Господи, зачем ты создал мужчин такими? – Тут никого нет, все давно умерли.

– И что ты предлагаешь?

– По-моему, надо осмотреться здесь немного, глядишь, что-нибудь интересное еще найдем.

– Я согласен с Тори. – Луис тоже встает. – Тогда стоит осмотреть храм, может, станет понятнее, что и как. Не бойся, дружище, здесь уже и правда давно никого нет.

Мы поднимаемся по ступенькам. Их много, но это ничего. И все-таки мне как-то неуютно, словно я ощущаю чье-то присутствие – как будто кто-то яростный и хищный радостно наблюдает, как мы идем к нему в гости. Кто бы ты ни был – зря радуешься, мною ты подавишься!

– Чего только не придумают люди, желая оправдать свою склонность к жестокости. Представляю, что здесь когда-то творилось, если до сих пор мороз по коже. Ну, что ты скажешь о храме, Луис?

– Согласно легендам, культ уничтожили инки как слишком жестокий. И это при том, что в их собственной среде жестокость была общепринятой нормой. А уж что вытворяли члены фан-клуба местной знаменитости…

– И что же они вытворяли? Хотя – нет, не хочу знать.

– Ритуальные убийства новорожденных здесь были такой же обычной вещью, как причастие в христианском храме. Легенды говорят, что поклонники Древних пошли еще дальше – каннибализм, пытки, половые извращения… В конце концов терпение инков в какой-то момент лопнуло, и они разнесли тут все. – Луис ходит среди колонн как зачарованный. – У инков не было знаковой письменности, и все, что мы знаем о них, известно из следов материальной культуры и легенд. А что касается Древних, то до нас дошли весьма смутные упоминания о какой-то войне. До сих пор эти легенды принято считать не более чем страшными сказками. Город, где мы находимся, неизвестен современной науке, что само по себе странно, учитывая современные технологии и количество полетов над этой территорией. Как он остался незамеченным, не знаю.

Луис прав, не заметить развалины может только слепой. Стоит просто взять вертолет и пролететь над районом – сверху должны быть хорошо видны и дома странной формы, построенные из какого-то белого камня, и улицы, вымощенные таким же камнем, причем уложенным столь плотно, что в щели между плитами до сих пор не проникла трава. Не говорю уж о циклопическом здании храма, возвышающемся над городом, – его просто невозможно не заметить. И вот, поди ж ты!

А еще мне любопытно, что же нужно было здесь вытворять, чтобы даже современники, весьма жестокие инки, содрогнулись от ужаса. Как правило, мы ужасаемся преступлениям прошлого, которые тогда, в прошлом, преступлениями не считались. Так было с охотой на ведьм и инквизицией, с практикой судебных пыток и прочей кучей мерзостей, творимых гражданами в эпоху европейских монархий. Современники воспринимали все как норму, а мы ужасались. Так было в том числе с Холокостом, Чернобылем и Афганистаном – когда эти события стали прошлым. Но тут совсем другое дело – эти ребята смогли напугать даже современников.

– Говоришь, город науке неизвестен? Тогда здесь могут оказаться сокровища. И все это добро пылится здесь, ожидая нас. Как ты думаешь?

Луис с видимым сожалением смотрит на меня.

Ишь, бедолага, как проникся наукой! Но все имеет свое практическое применение, и клад тоже. Лично я хочу найти клад не для богатства – у меня достаточно денег, чтобы удовлетворять свои капризы. Но ведь это клад! Понимаете? Он пролежал нетронутым сотни лет. Чьи-то руки касались его, и руки эти давно истлели, но если снять отпечатки пальцев и запустить их, например, в полицейскую базу… Вдруг они совпадут с отпечатками кого-то из современных людей? В общем, клад для меня – категория больше эстетическая, чем материальная. Но не объяснять же все это сейчас здоровяку мачо с университетским образованием. Он все равно меня не поймет. Да и вообще мало кто поймет.

– Нужно здесь все хорошенько осмотреть. – Луис движется к дальней двери. – Конечно, понадобится какое-то время, но ведь такой случай! Вот вход во внутренний зал храма. Осторожно, там темновато…

Огромный вход на фоне белых стен. Мы вступаем на границу света и тени, Эд берет меня за руку. Мои губы трогает легкая усмешка: не бойся, малыш, тебя никто не обидит. Видишь, здесь не настолько и темно, как казалось, – свет льется из длинных щелей, спроектированных таким образом, чтобы солнце, совершая свой круг по небу, в любом случае попадало в «ловушки» и освещало храм. И тут уже давно никого нет, просто колонны, разбитые скульптуры. Посредине огромного зала возвышается фигура какого-то существа – даже если судить по остаткам былой роскоши, премерзкая там была скотина изображена. Но кто-то разрушил статую, отломал часть конечностей. Но как ни яростны были

разрушители, а все же им не удалось полностью уничтожить почти пятиметровое изваяние – его многократно повторенные глаза, пустые и жестокие, смотрят на нас, и мне становится не по себе от их взгляда.

– Что за хреновина, Луис?

– Кто-то из Древних. Но кто?

– Какая разница, как звали урода. Не хочу знать.

Мне кажется, я слышала о чем-то подобном. Хоть и не преподаю этнографию, тем не менее и храм, и идол почему-то мне знакомы. Может, читала про них? Правда, Луис уверяет, что вряд ли. Вот крутится и крутится в голове… Ладно, потом вспомню. А вот ступеньки, которые ведут вниз. Пока светло, нужно бы осмотреться – на предмет материальных ценностей, я имею в виду.

– У меня есть фонарик. – Бывший пленник шарит в своем рюкзаке. – Ага, нашел. А у вас нет?

– К сожалению, нет. Ты пока не включай его, только когда станет совсем темно… Думаешь, там очень темно?

– Не знаю. Здесь, в зале храма, как видишь, ловко устроено естественное освещение, а как там – поглядим.

– Тогда нечего мешкать. Сейчас полдень, а на ночь глядя я туда ни за что не полезу.

– Ты боишься?

– Нет, но как-то здесь неприятно.

Я чувствую, что это место пропиталось Злом, страшным и древним, древнее Солнца. Оно и понятно, ведь то, что творилось века назад в стенах храма, просто так не могло исчезнуть, Зло притаилось здесь, хотя люди ушли. А еще мне отчего-то кажется, будто я слышу биение чьего-то сердца – где-то там, в глубине.

– Давайте не пойдем дальше? – Эд сжимает мою ладонь. – Честно говоря, я боюсь. Что-то тут такое… В общем, у меня ощущение, словно кто-то за нами наблюдает. Пошли отсюда, а?

– Нет! Когда еще представится такой случай? – Луис настроен вполне решительно. – Может, там я сделаю открытие, которое перевернет историю и наши представления о мире и происхождении планеты! Надо сначала посмотреть, а потом вернуться с экспедицией.

Он прав. Гробница Тутанхамона прославила лорда Карнарвона, а в ней ведь были найдены вещи, вполне известные тогдашней науке. А здесь может обнаружиться нечто невероятное.

– Не хочешь – не ходи. Эд, подожди нас наверху.

– Ну уж нет! – Краузе ощутимо содрогнулся. – Ни на минуту не останусь один! Короче, считайте меня трусом или сумасшедшим, но… тут не только мы находимся, как хотите. Кто-то есть еще здесь, и этот кто-то – вряд ли человек. Я понимаю, мои слова звучат странно, однако…

– Хватит болтовни! Я хочу пойти и посмотреть, что там, внизу.

Мы спускаемся по ступенькам. Они широкие и не слишком крутые, а на них громоздятся скелеты. Я подбираю отлично сделанный нож – это мой первый трофей, но я о нем лучше промолчу, не стану сообщать спутникам. «А браслет тебе, красавица, уже не нужен», – мысленно произношу я, аккуратно снимая украшение, не повредив кость, со скелета женщины, судя по состоянию зубов, молодой. Что ж, смерть не выбирает… Да и слишком давно она случилась, чтобы как-то тронуть меня. Зато у меня в руках красивый золотой браслет, украшенный камешками.

– Тори, что ты там ищешь? – заметил Луис мой маневр.

– Хотела узнать, к какой расе принадлежали убитые.

– И что скажешь?

– Думаю, молодая женщина, как и остальные, лежащие здесь, была индианкой, то есть принадлежала к коренному населению материка.

– А ты ожидала встретить викингов?

– Так было бы значительно интереснее.

Мы спускаемся все ниже, и становится довольно темно. Луис включает фонарик – луч выхватывает из мрака каменные стены, кучи скелетов на полу, какие-то предметы, разбросанные тут и там. Эд поднимает что-то с пола и вкладывает мне в ладонь – ого, крупный изумруд необычной формы. Я прячу находку в карман и сжимаю руку спутника. Очень люблю камешки, это факт.

– Ступеньки ведут еще дальше. Так что, мы идем? – Луис освещает ступеньки, которые теряются в глубине. – Или вернемся обратно?

– Стоило столько топать, чтоб с полдороги вернуться! Просто давайте спускаться быстрее.

Мы практически бежим вниз, и я не хочу думать, что обратно нам придется шагать вверх. Но любопытство гонит нас вперед. И вот ступеньки заканчиваются, мы пересекаем квадратное помещение и оказываемся перед полуоткрытой дверью. Что ж, похоже, конец пути.

Как-то тревожно на душе, и я думаю, что не стоило нам, наверное, сюда приходить, да теперь поздно об этом толковать. А потому наш маленький отряд заходит в зал. Луч фонарика сиротливо скользит во тьме и натыкается… Мы в сокровищнице! Но как могло случиться, что никто до сих пор не нашел ее?

– Эд, ущипни меня.

– Зачем?

– Хочу быть уверена, что не сплю.

– Тогда нам снится один и тот же сон.

– А ты еще не хотел идти!

– Я и сейчас уверен, что нужно бежать отсюда без оглядки.

Бежать отсюда может только сумасшедший. Большая комната переполнена золотыми скульптурами, изображающими людей и демонов, золотой посудой, украшениями и просто камешками, насыпанными целыми грудами в золотые тазы с толстыми витыми ручками. И все это сейчас наше! С ума сойти!

– Луис, что ты там делаешь? Ну-ка, свети сюда. Здесь такие украшения, что…

А тот не обращает внимания на мои слова, как и на сокровища, наполняющие комнату, – уставился на что-то перед дверью, чудак.

– Тут ряд рисунков… Словно комиксы, видите? И общий их смысл таков: кто возьмет себе что-то из сокровищ, принадлежащих здешнему богу, будет обречен на смерть и посмертное проклятие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/polyanskaya_alla/zhenschina-s-glazami-koshki

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить